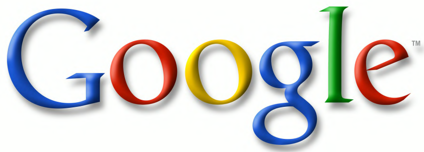
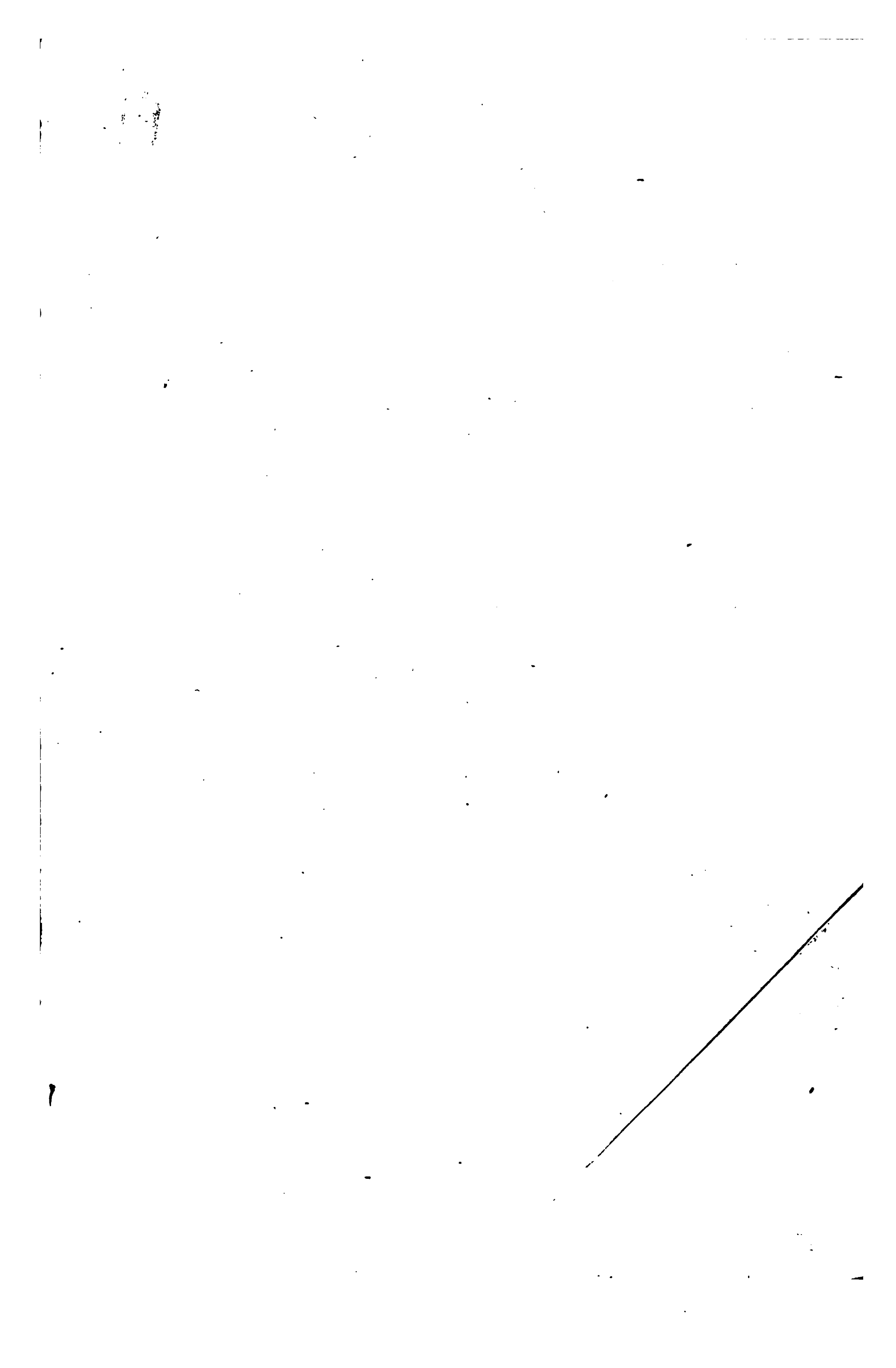

ЦВЕЋЕ

СРБСКИ ПЕСАМА.

Скупіо, приложіо и уредіо

Димитріє Михайловић.

КЊИГА I.

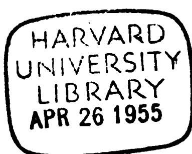

У КАРЛОВЦЫ.

Митрополітско-гимназіална Типографіа.

1858.

Єдноме не, ал' све можно свима! —

Л. Мушицкій.

Sei fromm und gut!
Hab' immer Muth!
Und such' in Kunst und Leben
Das Höchste zu erstreben.

W. J.

НЂГОВОЙ СВЕТОСТИ

Милостивомъ Србскомъ Патріарху, Господину Господину

ІОСИФУ РАЯЧИЋУ,

Православномъ Архіепіскопу Карловачкомъ, и целогъ у ц. кр. Аустрійскимъ државама находећег' се Србскогъ и Романскогъ народа

МИТРОПОЛІТУ,

ц. кр. Дѣйствителномъ Тайномъ Совѣтнику, великога креста гвоздене круне

КАВАЛЕРУ,

и проч. и проч.

са оданѣйшимъ высокопочитанѣмъ

вѣчитогъ спомена ради

исто дѣло посвећуе

понизнѣйшій

Д. Михайловићъ.

Einen Augenblick von einer guten That bezeichnet, ist vor Gott ein Jahr.. —

Steinhardt.

ВАША СВЕТОСТЬ

Милостивый Србскій Патріархъ!

Премного є Ваша Светость подъ благимъ скиптромъ Ньіовогъ ц. кр. Апостоліческогъ Величества ФРАНЦА ІОСИФА І. побожногъ и срдечногъ соучастія за православне восточне цркве показала, а тако исто и велика пожертвованя за цео србскій народъ, и знамените помоћи за неяко наше србско кньижество, учинила.

Ваша є Светость выше и выше топле наклоности, за напредакъ просвештенія, и толико милостивогъ благослова за развитакъ прочи народни користій, подарила. —

Ваше є Светости штедра десница, у стократнымъ приликама богате подпоре, ослаблѣномъ старцу, — ожалостћеной удовой, и неякомъ детету, пружала.

Дакле, многомилостива, величествена, корыстна и подпоре пуна дѣла Ваше Светости, само ће єдина повѣстница србскога народа, на славу и похвалу потомку, знати улепшати и увеличати, — а мени нека Ваша Светость дозволи овде целоме свету обелоданити, да є милостива Ваша Светость поредъ премноги доброчинства, на корысть и ползу, примила и овога дѣла посвету

и трошакъ, давши исто „Цвеће Србски Пѣсама“ да се печата у новозаведеной Народ. Србско-Митрополітской Гимназіалной Кньигопечатни, кою є печатню Ваша Светость сама на корысть православнымъ црквама, а тако исто и на просвету и душевно изображенѣ целоме србскомъ народу установила.

Изъ овы, а и хиляду други добротворны узрока, света изискує дужность са найвећомъ обвезателностћу Вашой Светоі Десницы оданѣйше припасти!

Тако Ваша Светость имайте милость, по свему овоме што я безпредѣлно уважавајући све величествене и

врле Ваше Светости добродѣтельи, кое сте Вы и спрама цѣломъ србскомъ народу, и спрама мое понизнѣйше особе указали, са найвећомъ оданостћу поднесену благодарность, явно предъ цѣлымъ србскимъ светомъ милостиво примити, молећи Вашу Светость да бы мене у высоку благонаклоность и далѣ задржати неодрекли се.

У Новомъ Саду, на Св. Савву 1858.

Вашой Светости

есамь са найвећимъ высокопочитанѣмъ

Дим. Михайловићъ.

АКРОСТИХОНЪ.

НЂГОВОЙ СВЕТОСТИ

Милостивомъ Србскомъ Патріарху.

Іошт' охъ! кадъ бы имао ону снагу
Омерову,, да ми с' пѣсме рою,
Столѣтно бы пѣвао ТИ благу
И смирену душу — душу ТВОЮ!
Фрушка ће ТИ и велебитъ знати
Усклицыма, вѣчно споминяти
Райску душу и райске врлине, —
А васцелогъ србства желя сама,
Яворовымъ гудеhи гуслама,
Чувство што СИ, прама нѣму, ТВОЄ
Изливао, изъ срдашца врела —
Ћер'іомъ сыномъ и свим' србско што є,
Уздизат'ће безсмертна ТИ дѣла!!

Д. М.

ЦВЕЋЕ СРБСКИ ПѢСАМА.

O selig, wem am Abend seines Lebens
Ein wolkenloser Himmel glänzt!
Wem Heiterkeit die freie Stirn' umkränzt:
Ihm sagt sein Herz: ich lebte nicht vergebens.

Mühler.

ЛУКІАНА МУШИЦКОГА

Владыке †.

О Д А.

На данъ роћеня ФРАНЦА I., Императ. и Цара Аустрійскогъ.

Fallitur egregie, quisquis sub principe credit Servitium; nunquam libertas gratior exstat, quam sub rege pio.
Claudianus.

Хрватска земльо! Светлый намъ освану
Данъ цару, кралю, добромъ и праведномъ
Посвећенъ; источникъ свеобште
Радости, надежде среће наше!

Да, Францъ намъ добрый живи у здравія
И данасъ цвету! Іошт' му е здравъ коракъ,
Погледъ непоколебимъ къ цѣльи
Трудной, ал' лепой, высокой, чинит'

Сву свою дѣцу (едну фамилію
Изъ миліона) среѣну на вѣкове!
Да лепо ти е погледати
Пространо нѣговы дѣла полѣ! —

Прошавша дѣла Кліи предаймо сва; —
Да лvре гласомъ дѣла му садашньость
Пратимо сладко. Некъ и гора
Петрова, капела и велебитъ,

И Клекъ са Хумомъ пію веселѣ. Краль
Єднако любвомъ обима сынове
Юнакородне домовине.
Та намъ е една, и онъ е еданъ

Свимъ творацъ среѣе, струяма све онъ
Єднако пои краеве наше све.
Покрива еднымъ штитомъ главе,
Раванъ прописуе свима законъ.

Нѣму смо равни сынови, међъ собомъ
Една смо браħа. Данашнѣ радости
Еданъ е свима богатъ изворъ.
Къ людскомъ величію едну свима

Намъ цѣль отвара. Говори искрено
Ко свима: „я вамъ неħу оскудѣти,
Къ той само вы по силам' тако
Тецыте, да ю и постигнете."

Чуемо, отче, гласъ ти божественый!
Течемо къ цѣльи. У срдцу т' лѣпъ олтаръ
Дижимо сви, предъ кимъ ħе огань
Вѣчно чрезъ цѣло потомство горет'.

Молимо небо, дне да ти умножи;
Еднимо волю, дне да т' усладимо;
У высъ пенѣмо с' духомъ сложно,
Славу да т' высимо славомъ нашомъ. —

Ничега худогъ неħемо трпити,
Чимъ добіени лаври юнацыма
У миру вену. — Быт' юнакомъ
Полю на нравности, људска-й слава

Насъ къ трону твоме, сунцу а нашему,
Све мысли, силе дивно привезую,
Ил' ишли мы за плугомъ, или
Летили рѣке одъ Уне къ Райни.

ПОБѢДА СЕРБСКОГЪ СЕРДЦА НАДЪ ЗЛЫМЪ ГЕНІЄМЪ.

Не! Што е наше, престае лоше быт',
И престат' мора. Воля озбыльска и
Душевный крѣпкій ратъ противу
Зависти, злобе; ньи ћ' манѣ быти!

Докле ће Сербинъ уздысат', плакати
Противу зала, отгнати кое самъ
Већь може? Дѣтскій вѣкъ намъ преста,
Мужескій настаде! Рабскій паде

Оковъ; свобода духа већь царствуе.
Противу тѵранства ядног' невѣжества
Скованъ е громъ на сваком' краю.
Доћ'ће и Сербіи, чарной Гори

Свѣтъ. Сад' већъ свита! Расте ружа там'
Гдѣ чкаль пре бяше. — Али допусти, нек'
По трави люта змія пузи, —
Ког' невнимателна нек' угрызе; —

Нек' 'вепаръ таре зубе о крѣпкій растъ; —
Нек' осе боду смокве индійске. — Тимъ
Сазрева сладость ньина. Тко ће
Свободной природи бѣгъ удержат'?

Мати — й велич'ю людскоме туга, скорбь,
Душевна ранна, злобомъ и зависћу
Задана! — Духъ у бѣди расте. —
Шествіе къ болѣму, къ совершеном'

Изображенье, вѣчный — й задатакъ за
Савъ Родъ, за свако лице единственно!
И вѣчно — й съ тимъ скопчана борба
Съ внѣшнима сильныма препонама!

Те едно може духа терпѣніе,
И постоянство, чиста и воля, а
И време, едва накъ, побѣдит'.
Тамо се плету и людске страсти.

Гонимъ за правду Грекъ Арістідъ, а Галлъ
Моро за храбрость; Сократъ нашъ ніе смерть,
Сбогъ свете волѣ Родъ просвѣтит';
Вождъ Велизарій за сяйность дѣла

Очію лишенъ быва отъ зависти!
Затвори Музо времена ньигу ту,
Предъ очи коя ставля сербска
Зла! Къ добродѣтельи вѣчну любовь

Зажежи въ перси, гониме пакосћу;
Дай духовима силе у бѣди. Ахъ!
У лютый часъ уздануть' може,
Смутитис' духомъ и крѣпкій Ирой.

(Подлежи общем' жребію) за часъ ал'
Полкъ злобе подле презире, гони отъ
Погледа свог'. У себи покой
Налази. Подиже тешко бреме

На плећа, да бы слабіой braћи путъ
Ко већой срећи, къ правой творіо
И слави. Стои самъ; — а браћи
Подпора примѣромъ своимъ быва!

„Да трудне стазе! утѣхе скупе! На'
Што?" Цѣлость свѣта, цѣлость живота, пакъ
И цѣлость общег' блага силно
Иште отъ свакога, Промысао

Ком' даде већу снагу. Та рођени
Мы нисмо сами себи: изыскує
Часть отечество, пріятельи
Бытія нашега часть. И труданъ

Животъ, ал' браћи полезанъ, больій е
И слађій, него завидна сяйность, ал'
У себи гньила! Пусти лоше,
Лоше нек' буде, а сдружис' съ добрымъ.

Докле е людска Рода, и страстій ће
Быт'! Не ће вѣруй, ньи уништожити
Лучь просвѣщен'я! Бы'ће злобе,
Као у пшеницы црне снѣти.

Цѣль просвѣщен'я средство текъ едно есть
Къ высокой цѣли бытія нашега
На земльи: къ чистой чoвечности!
Глава са сердцемъ тай союзъ иште!

Тога е породъ: любовь ко истини,
Доброти любкой, пакъ богоподобной
Лѣпоти. Гдѣ-й зла воля, худо
Сердце, там' просвѣта нема цѣне!

Да часть множимо болю, а подла ће с'
Уманьит'; вѣнце плетемо оной, а
У тами ту да оставимо.
Презрѣный злодѣй и себи—й немилъ!

Дѣлай у кругу дужности свакій свой'
Колико можешъ. Противъ немарности
За обще благо тужбу даймо
Кліи: свим' одъ нье и казнь и слава.

Васъ млади Сербльи, Народа Геній да
Сачува отъ зла, пакъ малодушія!
На умъ да Вамъ не дође нигда
Мысао: ко ће ми благодарит'?

Неда се продат' духъ благородный, но
На жертву дае народу себе щедръ,
Найслађу мзду за трудъ у себи
Тражи и налази неуморенъ!

Живлѣня мудрой хитрости дай да се
Учимо больма! Тужба ће престати
Намъ. Дай да уво приклонимо
Къ мудру Арістіппу. Флаккъ насъ зове!

Слушайте мили Лолліа, вѣрно как'
Учи. Слѣдуйте совѣту искусног'.
А Нѣмацъ Книгге некъ Васъ учи
По мору опасном' срећно пловит'.

Различанъ морскій гадъ ће окружити
Вашъ новъ корабль; диза'ће шію и
Челюсть ће ширит'; зубма ће кивным'
Грозно скрежетати. Силу духа

Скрозъ якъ взоръ яв'те! Снизи'ће с' въ дубльину,
Страшећи с' аки сама Нептуна свог'!
Савъ служи духу свѣтъ! Там' сиѣши
Побѣда сяйна, гдѣ-й ячій животъ!

Кад' тайне замке остави, явно пакъ
Натегне стрѣле вражіи полкъ на Васъ,
Клевета, зависть, пакость, злоба;
Нек' Вамъ терпѣніе градомъ буде.

Егідъ Мінервинъ браниће двери тог'!
Безгрижна совѣсть, правда са истиномъ,
Цѣль труда чиста буд' Вамъ дружба!
Тулъ ће исправнити всуе врави.

Да и обѣма рукама намећу
Порока врећу Вам' на невинный вратъ,
На душу вергну подлу лягу,
Полкъ ће те бѣдный посрамит' дѣлы!

А кад' Вамъ стану дѣла угрызати,
Коя подлежу киши и пламену,
И тлѣнна блага подигнута
Подвигомъ Вашимъ; та оставите

Зложельном' зубу. Єдног' све за другимъ
Та господара себи добыяю.
Отъ Муза Вы купуйте благо:
То ћ' и за гробницомь остат' Ваше!

Да Вамъ не роди туга претерплѣна,
У болном' сердцу освете! Подла и
Гадна е та. Далеко-й лѣпше
Да! благороднiе, врагу праштат'!

Та благодѣй Вамъ постати може, да
И самъ то незна! 'Еркула подиже
На небо завист! Лѣпе страсти
Вѣтрила с' къ слави, а завист вѣтаръ!

Єдно смо само велико Общество
Подъ щитомъ Вѣре, — Имена, — Єзыка! —
Изъ равновѣс'я наши сила
Дигнуће с' слава и срећа наша!

Некъ опомене правога Сербльина
Видовъ данъ! нек' се заклинѣ: „имена
Ми Сербска! Я ћу слогу любит',
У сердцу топло сагрѣват', бранит'!"

А ты, о мылый Роде, та чувствія
Нелестна сердца пріими за любве дань!
Сладка ми є борба за Те! Люби
Нравственне Милоше, ньи ћ' быт' више.

ГЛАСЪ НАРОДОЛЮБЦА.

Сербльи любе, да! свой Родъ.
Выше ли самымъ дѣломъ, нежел' рѣчма?
Є ли любве союзъ твердъ?
Босанацъ добрый зна л' за Сремца, зна ли
Тай за Черногорца там'?

Прадѣда стара Вѣра тверда л' свуда?
Єл' имъ єзыкъ сладакъ, чистъ? —
Тє двоє намъ є свима єдно полѣ,
Гдѣ с' можемо видѣт' сви,
И єданъ съ другимъ грлити се смѣмо. —
Ту намъ расте славе цвѣтъ.
Єданъ су союзъ Роду: Вѣра, Єзыкъ.
Они поясъ нама свим'.
Они су нама, разсѣяннымъ' свуда
Спасенія шлемъ и щитъ.

Союзъ тай ненарушимъ лети преко
Рѣка, гора, царства. — Онъ
У нѣдра и Сент-Андріе и Пеште,
Новог'-Сада, Брода, пакъ
И Сараева, Смедерева, Боке,
Пиве, меѣе електронъ *).
Юнакородна чарна Гора чуднымъ
Огнѣмъ веѣь пуна е тимъ!

Не само Вѣромъ ты, но дѣлы славис':
Ишту люди, Царъ и Богъ.
Нашъ езыкъ Церкве, вѣчие стѣне Церкви,
Щитъ е дверма нѣным' онъ.
А посвемѣстный Сербска Рода езыкъ
Умъ, Характеръ, являя нашъ.
Милине, сродне духу, сердцу Сербском',
Ковчегъ драгій есте онъ,
Огледало е онъ свег' Сербског' Рода;
Жизни внутреннье обликъ.
Вы писательи равно люб'те езыкъ
Церкве свое, Рода свог'.
Онай намъ ніе туѣъ, овай простъ ніе!
Обоимъ се дичи Сербъ.
Нит' е онай привезанъ само Церкви,
Нити колеби овай. —

---

*) Щитъ.

Ко презирати смѣ онай, изъ двора
Сербска ко смѣ гонит' тай?
Ніе л' онай изъ свію живы првый,
По Тошканском' ніе л' тай?
И онимъ проста глава просто пише;
Нит' іой сяе стара рѣчь.
Высоко ћ' овымъ летит' Флаккъ и Клопштокъ;
Даће рѣчма цѣну, вкусъ.
Союзъ намъ рѣчій, мысли есу лѣпе,
А лѣпоте нема рѣчь!
Гдѣ с' дома строю, вкусу сладко дивишъ,
Заръ су лѣпше цыгльe ту?
Скопчан' е законъ съ кроемъ едног', другог'!
Тай е еданъ перу воћъ.
На што необычайна мрска смѣса?
Буди предѣлъ сваком' свой.
Докле увживе братски оба скупа
Дотле ћ' живит' Сербскій Родъ.
Гдѣ — коме Раић, а гдѣ — ком' Доситей
Перомъ сладко дира слухъ.
Орфеи, Флакки дѣйствую кровъ сердце,
Свагда съ успѣхомъ на умъ.
Отъ ньи узаймлюю Платонъ и Хердеръ
Піттъ и Фоксъ вѣштину ту.
Садъ смѣ л' ко презрет', што е Роду мило?
Чисти нраве, оштри умъ?
Ил' ће му воля быти, да онъ оре
Сыня мора сувый брегъ?
Невѣрствомъ ли ће къ Роду держат', ако

Люби Сербльинъ єзыкъ свой?
Та, кньижества нам' є широко полье!
Разне силе, єдна цѣль;
И разна воля, духъ ал' єданъ свима!
Нашто нама шкоданъ ратъ?
Наука вышши' кои намъ є конацъ?
Мудрымъ, вѣштымъ, правнымъ быт';
Што знашъ ты самъ, сообщит' браћи сродной;
Мудрость у облакъ не крыт'.
Знай! гдѣ се браћа боре, ту є туђим'
Радость, подсмѣй и корысть. —
У дому кад' є миръ, врагъ внѣшній бѣжи.
Єзыкъ чувай; онъ т' є градъ.
Размышляй, коим' сѣт'ма градъ подлежи;
Отъ тій чувай єзыкъ свой.
Добро є съ разне стране мотрит' предмѣтъ;
Очи с' уму свуд' помоћь.

Славенскій, Сербскій єзыкъ — два су пута!
Къ єдной цѣли воде насъ.
На разпут'ю зашт' дуго да стоимо?
Зрѣо совѣтъ, за тимъ трудъ.
Корачай, кои можешъ, дальнымъ, труднымъ —
Пречимъ кадкадъ летимъ я,
А кадкадъ опетъ жельно трчимъ онымъ.
Поредъ оба расте цвѣтъ.
Зашто довѣка викат', коимъ треба

Писат' езыкомъ? Почни,
Па пиши Славенскимъ, па пиши Сербскимъ,
Али чисто! Ради текъ!
Избравши къ дѣл'ма кругъ, а грѣшеђ' перомъ,
Самъ ђешъ дођи строгъ предъ судъ.
Текъ Флакка прилѣжно читай, свакогъ ђешъ
Дужность писца видити.
Наша су нарѣч'я, да Сербе! оба;
Ал' имъ границу ты дай.
Нит' едногъ нити другогъ губи, али
Смѣсе ты не чин' изъ њи.
Оба с' у себи лѣпа, али плоде
Хаосъ, ако ій слієшъ.
Да займе чине взаимне, по сили,
Веђъ допусти'ђе крітикъ.
За красне мысли узми красне ризе,
Крой дай ризама двоякъ.
Свак' Рода членъ послужит' мора Роду;
Єдне силе нису свимъ. —
Ако намъ школа Славенски зна, али
Сербски незна народъ, нит'
Зна читати, нит' писат' Сербски; странне
Рѣчи плете, живи л' онъ? —
Ви'шъ! два за езыка Грамматіке двѣ
Сербской дѣцы треба дат'.
Чуй! страна страни вели: „књижну с' учи."
„Ты говорный добро знай."
Єданъ да славенски зна, сто не сербски!
Коя полза Роду есть?

На уво садъ ми вели Геній вѣрный :
„Трвенъ мора быти путъ
„И широкъ, да вамъ могу старцы, дѣца,
„Слѣдовати равно тимъ.
„Не презир'те ни туђи оруд'я у
„Крчевини данашньой. —
„Кадъ оба пута чиста, гладка буду,
„Шта ће сметат' коракъ ньинъ? —
„Дѣлай, разумъ што данасъ добрымъ суди :
„Тайне ћ' открит' самъ Сатурнъ.
„И левку можешъ уподобит' езыкъ,
„Коимъ с' точи питомъ нравъ;
„И красанъ грађанскій у серд̑ца животъ.
„Цѣо народъ треба тай.
„Роси га уподоби, коя дае
„Живу силу земльи свой.
„Двоякъ претварай у ту росу езыкъ,
„Гдѣ как' треба, твой за Родъ.“
Поздравъ између насъ да драгъ намъ буде
Сербским' рѣчма : помоз' Богъ!
У разговоръ не мѣшай рѣчи, кое
Стамбулъ скова, Бечъ и Римъ.
Другъ другу езыкомъ не пиши туђимъ,
Так' не чини Тевтонъ, Галлъ.
Та ко се езыка свог' стыди, тай се
Рода стыди! Честно л' то?
Сви къ едной цѣли сложно да идемо!
У единству сила есть.
Една намъ воля есть послужит' Роду;

Буди сливенъ еданъ вкусъ!
Есть дично сваком' Роду краснo писат'!
Ал' говорит' маня л' честь?
Са свѣтомъ сдружити се мора школа!
Пустъ безъ ползе славе гласъ.
Ко презире говорный езыкъ, жели л'
Намъ, да лѣпшій буде кадъ?
„Та ко не жели?" Али кам' ти средство?
Ніе л' — писат' истымъ тимъ?
Ко кадгодъ намѣру безъ средства добы?
Сяйно л' што не пильи трудъ?
Нове ћe остарит', а падше устат'
Рѣчи; паст'ћe, коимъ е
Честь данасъ, ако обычай намъ оће.
Законъ рѣчма дае тай.
Ту ништа силомъ! светиня е Рода
Езыкъ! благо, обще свим'!
Неумивена нека бѣжи рука;
Самовласт'я дерзость съ ньомъ.
Пристои право цѣлом' Роду нѣга
Бранит'. Смѣ л' се сумнят' ко?
На оба нарѣчія треба мыслит'
Ту! У едну с' лію честь.
Грамматіка да мѣру мудро чува,
Люби богатство Словаръ. —
Поети, витіи некъ намъ не ломе
Крила; некъ не коче летъ!
За Гркомъ лети Славянинъ; и Сербльинъ
Жели летити за ньимъ.

Сербъ лети кньижнымъ нарѣч'емъ; говорнымъ
Равно жели летит' онъ.
На едномъ и на другомъ некъ дѣлавцы
Траже Роду ползу, честь. —

У еданъ данъ да честницу ломимо. —
Сербче свако да намъ зна,
Ко Душанъ, Милошъ, Югъ, ко л' бяше Марко;
Гдѣ е Соколъ, Призренъ гдѣ.
Да туђеродной Лиzи въ бракъ предпочте
Любосаву Сербльинъ младъ.

Образуе се народъ к'о единственъ
Човекъ; пр'има характеръ.
О! дай о томъ да с' постарамо крѣпко:
Савъ на нѣга мотри свѣтъ.
Дай, свой за Родъ да живе памятнике
Подижемо сложно свуд'.
Марморный столпъ и образъ сатре време,
Ал' не мужа славу, честь.
Богатство прелази одъ едног' къ другом';
Добро име вѣчно т' есть.
Доброте, правде, мужества, вѣштине
Примѣръ якъ, векма намъ духъ
Къ высоком' вуче, душу намъ отвара

Къ красном' больма, нег' сувъ гласъ.
Потомству быва славна Мужа име
Столпъ у бѣди; свѣтъ у тми;
И крѣпка подпора у борбы съ страстма:
Треба Ментора свакъ слабъ.
Примѣра таки веђъ имамо живы,
Повѣсть да'ђе выше іошт'.
У мысли стадо отвраћати хулу:
Ал' пресѣче Геній мысль.
„О Судіе! О учительи Рода!
„Бдите! бы'ђе манье зла.
„Орудія 'сте вы олѵмпа, Ѳрона!
„Гон'те порокъ гон'те819 мракъ.
„Мачъ правосудія, мачъ гнѣва Бож'я
„Здруж'те, гдѣ свирѣпа грудь.
„И добаръ законъ, ахъ! и добаръ народъ,
„Одкудъ пакъ порока тма? —“

Са общомъ ползомъ свакъ нек' свою веже.
Свакій Сербска Рода край,
У свѣта, чести, славе храмъ свеобщій
Рад' нек' да сувишакъ свой.
Да! любовъ къ себи слій у любовь къ роду:
Въ нѣму живишъ вѣчно ты.
Єдинство мудри Грецы, смотри, како
Сложно хране Рода свог'!
Ѳвбыльска, крѣпка воля къ Добру общем'

Держи Царства, держи Родъ.
Повѣсть народа стары, пакъ и новы
Силно намъ сведочи то.
Да много т' може човекъ, може народъ,
Къ едном' крѣпко тежи л' текъ?
Рѣчь — Сербство — кога неће къ слоги призват',
У ком' Сербска дыше грудь!
Корабленнику равно сѣче бурю,
Роптаюћы людій крыкъ
Не слуша, тихо спѣши къ доброй цѣльи
Твердый родолюбца духъ.
Да подле мысли! „Ко ће т' благодарит'?"
Совѣсть сладку дае мзду.
Подражава безмездну источнику
Обще полѕе любацъ свакъ.
„Я свѣта раменомъ самъ не исправи."
Или могао, ил' не
У чему — годъ поболшат', твом' по кругу,
Кудъ те верже срећа, власть,
О томъ те нравна заповѣдь не пыта.
Гласъ нѣнъ! „Дужанъ си ты то." —

Судба л' ти ил' зла рука цѣль пресѣче,
Лону Рода веранъ будь.
Та животъ кратакъ намъ, с' ньим' корысть кратка;
Чела срамъ, за гробомъ срамъ.
И нашег' Рода угреяћес' нѣдро;
Неће с' тужит' вѣрный сынъ.

На полю ратномъ Сербъ ће врагу быти
Грозанъ, спрамъ свог' брата благъ.
У войни стрѣла отмащен'я честна,
Ал' у миру подла єсть.
Шта завыєть, разродъ, своя корысть рађа,
Нек' насъ учи видовъ данъ.
У нѣдру содружества нека влада
Света истина увѣкъ.

У туђь мы народъ да с' не прелієма,
Нек' насъ грею мысли те!
Да! нек' насъ грею, па и къ дѣлу воде:
Труло зрно, гола рѣчь.
Насъ свыше светый Савва, Душанъ, мотре,
Єсмо л' мы достойни ньи!
Аманетъ ньинъ: „У добру сложни буд'те!
Прутъ самъ слабъ, у снопу якъ!"

На отечества жертвенникъ приноси;
Не заборав' свой за Родъ.
Ко бѣданъ смѣ то мени зазрѣт' данасъ?
Своем' Цару вѣрны мы!
Да вѣрный рабъ што свога блага има,
Самъ то оће мударъ Царъ.
Пенати, Лари сваком' Роду мили;
Радо лію за ньи кровь.
Быт' живимъ само, а изгубит' оно,

Зашто живишъ, срамно есть.
Самъ оће Богъ племена разна людій:
Изобиланъ нѣговъ садъ.
Са ружомъ саса нѣму любка; равни
Словенъ, Нѣмацъ, Хотентотъ,
И Грекъ и Бритъ, и Коптъ, и черный Арапъ;
Алефъ, Алфа, А и Азъ;
И символъ ума, сердца нѣму еднакъ.
Онъ е Отацъ свима намъ.
Позор'е красно даю разне силе:
Ньима свим' еданъ саставъ,
Унылый ходъ бы дао роду людеком'
Сама борба лѣпа смѣсь.
Ко може ньи претворит' въ родну браћу?
Мысли ньиной ярамъ дат'?
У перси лити братску любовь ланцемъ?
Быо е' затрворъ онда свѣтъ!
Плѣнникъ Европе горко плаћа дерзость,
Коiомъ кова оковъ ньой.
Са стыдомъ поздно с' учи цѣнит' людство;
Светый островъ сад' му казнь!
Како е нѣму, так' и другой умной
Твари оковъ робства лютъ.
Найслађа людма есть свобода духа!
У ньой сладакъ чела зной. —
За ню Харибда, Сцилла нам' не страшна.
Безъ нье животъ горакъ есть.
Та Ѳрону дае сяйность, рабомъ покой.

ГЛАСЪ АРФЕ ШИШАТОВАЧКЕ.

О, ако самь ти икада, Музо, я
Са пѣсмомъ Сербскомъ, земный, угодіо,
(У самой бѣди сь тобомъ срећанъ);
Варвітъ ми сладосћу обли данасъ!

Приведи струне побѣдоносно у
Соглас'е. Данасъ пѣсму ниспошльи ми,
Коя ће живит', докъ е Сербска
Племена яркимъ подъ сунцемъ! Младымъ,

Ви'шъ! готовимсе пѣвати Сербльима;
Сѣмена сѣят' нѣжна у сердца, и
Душе по светой вольи твоіой!
Пѣвцыма име и славу даешъ.

У теби гледимъ, Сербска о юности,
Младъ народъ Сербскій. По том' си надежда
Отцева. По том' силна брига
Ньиова, умомъ и тѣломъ здрава

Да будешъ! По том' своя сокровища
Подашномъ рукомъ радо отвараю,
Да вѣчну среѣу теби милой
Створе, и народной чести дигну

Стубъ! Ты си мени ньива желаема,
На коіой желимъ, докъ е у тѣлу духъ,
Сѣмена чиста Доброг', Красног',
Истинног' сѣяти, теби, Роду

За златну жетву! Трудъ е тай единый
На общемъ полю свію найслађій, и
Свободанъ отъ клевете подле,
Кивна угрызаня, грозны стрѣла. —

Сердца Вамъ стое нравном' зидару на
Свакъ часъ отворена. Духъ родолюбивый,
Радъ въ храму задужбине зидат',
Не чека времена болѣг', къ труду с'

Предае; краси ликъ добродѣтели
По вѣчном' вкусу; слади са трудомъ трудъ.
На путу среѣе младежь дае
Дань благодарности благодѣю.

Тимъ іой, ты, мене, Народа Геніе,
На вѣкъ учини: Мудрость намъ долази
Съ Олимпа. Дай казуй подъ перо.
Правила полезна; путь ко среѣи

Отвори. Чуйте! „Народъ ће с' родит' изъ
„Васъ Сербскій. Може постати народъ младъ
„Каквимъ самъ оће, кад' надъ ньиме
„Щедаръ и праведанъ скиптаръ влада,

„И повѣреня къ собственным' силама
„Оклопъ на груди носи. Кой оставля
„Самъ себе, туђе данасъ ніе
„Помоћи достоянъ. Много може

„Родъ храбрый, зашт' му с' чини, да може онъ.
„Познайте найпре, Сербльином' Сербльин' чим'
„Є, пакъ своимъ снагомъ духа, сердца
„Слож'тес', да светыню обдержите.

„Чрезъ мене знате! Та Вамъ є прадѣдній
„Єзыкъ и Вѣра; свети и грађански
„Отцева стари обичаи:
„Стара безъ основа зла є новость!

„Гледайте, како Царства сограђани,
„На полю свога єзыка, ревнивымъ
„Бореньемъ, спѣше къ светой цѣльи:
„Сербльинъ међь первыма быти може!

„Изображенье народу нравственү
„Моћь дає, ячу груба исполина.
„Води в' соглас'є умъ и серце,
„Дарове Муза присвои Роду.

„Свакъ себи мету силама своима
„Избери сходну рано, и шествуй къ ньой
„Скоръ. Штеди за ню силе тѣла:
„Взаимномъ помоћ'ю умъ и тѣло

„Свагда су вѣнацъ славе добыяли.
„У жару лѣта храбро Улису дай
„Слѣдуй! „Претерпи, уздержисе“! *)
„Те су на мудрости дверма рѣчи.

„Позно се каю, Ментора лишени!
„Намысли твердо, вѣрно на свершуй то.
„Безъ поеведневне крѣпке волье
„Къ цѣльи с' не долази! Бѣжи време!

„Премудрость вѣчна управля вселенномъ!
„Силна іой любовь къ тварма дыханія;
„Ко свакомъ добру дае време.
„Люди су вѣстницы, носцы тога!

„То ако уму цѣнити, ползоват'
„Се ньимъ; онда су Божіе волье, па
„И силе снаслѣдницы. Тешко
„Томе, бездѣйстіе комъ е сладко!

„Зажели, смысли, любавю внутренній
„Зажежи органъ къ намѣри полезной.
„Безъ надпетице конь не лети.
„Успѣ'ћешъ, право текъ трчи къ цѣльи.

*) „Sustine et abstine.“

„Многи су къ слави путови! къ блаженом'
„Животу ставе различне! Размысли,
„Коимъ ћешъ путемъ ширымъ, коіомъ
„Стазицомъ поћи, па иди срећанъ!

„Много препона има'ћешъ дальном' ты
„На путу. Храбрис'! Борбомъ се твори мужъ.
„Надъ Вама щитъ мой! много човекъ
„Тайны врагова у себи носи.

„На странне с' тужи, несрећнимъ али га
„Све чине свои. Найпре победи те,
„Лако ћешь странне, были явни,
„Или у мраку, победит' моћи.

„Надъ самимъ собомъ найтежа победа!
„Не дай, да расту заедно съ силама
Ты тайни вразн твои. Волю
„Найпре подъ ярамъ подвергни ума.

„Ненаучена служити, влада'ће
„Немудро съ тобомъ. Сили мечтателной
„Утесни пределъ: светъ живота
„Оставля та, у мнимый лети.

„У недостатку бедственность ніе ти;
„У жеђи къ венцма несытой лежи та!
„Излишность желье срежи равно
„Силама; бы'ће ти душа мирна.

„Затвори твое бытіе у перси,
„И те огради мудросћу; не ћешъ ми
„Ты зле быт' срећe. Зло найтеже,
„Кад' си га привео самымъ собомъ!

„Лакше е, кадъ ти сувомъ на путу на
„Вратъ брaћa силомъ варварски наметну.
„Ахъ! Аріетіда, Фокіона,
„Сократа, Милоша опомен'се.

„У ланцу бѣде блаженъ е, сердце ком'
„Порокъ, злодѣйство, на брата бачено
„Зло, нит' на яви, нити у сну,
Подобно черву не грызе. Памти!

„Научи с' рано дужности званія
„Предпочитоват' склоностма милыма!
„Научи с' сносит' судбу: свега
„Лишитис' кадъ добродѣтель иште!

„Крыкъ Сербског' Рода звѣзде домаша већъ
„Противу злобе, зависти, неслоге!
„Дай, Роде, преобуцы с' въ нову
„Ризу доброте и Бож'я свѣта!

„На Васъ погледа младежи цѣлый свѣтъ!
„Одъ Васъ чека то Неманье тиха сѣнь!
„Доста! на столъ Вамъ мећемъ знаке
„Намѣре путне; избер'те себи." —

Представи взору, о Θеодоровићу *),
Те знаке къ цѣльи. Младежь нек' често њи
Погледа; цѣль удуби духу.
Єдноме не, ал' све можно свима! — **)

---

*) Арсеній Θеодоровићь, искусный и народолюбивый живописацъ.

**) Vincit amor patriæ, laudumque immensa cupido.

Virg.

ДОСИТЕЯ ОБРАДОВИЋА.

I.

ПЛАЧЪ ЗА ДВА ПЕТАКА.

Ао мои ядна два петака!
Пропадосте стара и неяка.
Мени тешке зададосте муке,
Єръ у туђе вы одосте руке!
Сутра ћу я гладоват' до мрака,
Безъ васъ, мила моя два петака.
Мрачни су ми по Бечу сокацы,
Люто тужимъ за мои петацы.
Тавни су ми и сунчани зрацы
Одъ жалости за мои петацы.
Каква су то была два петака,
Старосложна и оба єднака!
Да васъ прождре и Драва и Сава,
Зашто мене остависте сама!
Я садъ тужимъ и плачемъ за вами,
А вы нѣкудъ шпацырате сами.
Дошла на вас бѣда свакояка,

О невѣрна моя два петака!
Плачу за ме Србльи и Бошняцы,
Пытаю ме, гдѣ су ми петацы?
Сестра и братъ мене придобыше,
Два петака моя освоише.
Братацъ еданъ, а сестрица другій,
Мене ядна предадоше туги.
За мене ће кукат' кукавица,
И тужити за ме ластавица.
Два петака, люте мое ране,
Сутра ће ми безъ васъ данъ да сване.
Смилуйте се Србльи браћо драга!
И нудеръ ми вы пошльите свакъ по два петака!

II.

ПѢСМА ЗА ДВА ПЕТАКА.

Я самь звао на помоћь Кралѣвића Марка,
Младогъ Мусу Арбанаса, и Релю Бошняка,
Те самь опетъ придобыо моя два петака.
Молiо самь и звао самь воеводу Янка,
И нѣгова млад' делiю, Секулу нећака,
И тако самь придобыо моя два петака.
Срдачно самь призивао змай огнѣна Вука,
Милутина харамбашу, на гласу хайдука,
Радивоя и Груицу, и старогъ Новака,
Зато я садъ опетъ владамъ съ моя два петака.
Радую се сада са мномъ Србльи и Башняцы,
Срећу мени честитаю на гласу юнацы,
Єръ су ми се опетъ мои вратили петацы.
Садъ су мени свѣтла мѣста сви Бечки сокацы,
И садъ радо лице гледимъ младыхъ дѣвояка,
Єръ самь опетъ придобыо моя два петака!
Добро сте ми опетъ дошла моя два петака,
Одъ старине начинѣна обадва еднака:
Нећете се вы изъ моихъ већъ измаћи шака!
Волѣти ћу у напредакъ изгубити главу,

Негъ изъ руке изпуштати Поштенѣ и славу,
И васъ опетъ пошиляти у Драву и Саву.
Я ћу одсадъ и за свагда пребывати съ вами,
Нити ћете вы безъ мене шпацыратн сами.
Да се братацъ и сестрица подсмѣваю съ нами.
Играти ћу и пѣвати одъ ютра до мрака,
Весел'те се и вы са мномъ, Србльи браћо драга,
Нит' ми више вы шальите свакъ по два петака.

ІОВАНА ХАЏИЋА
(Милоша Светића.)

I.

ПРВЫЙ ПРЕЛАЗАКЪ ЦРНОГА ЂОРЂА У СРЕМЪ ОКОЛО ГОД. 1787.

Доста се крви проливало Србске у окови' турски',
Страдала невинна дѣца у майчиной утроби грозно,
Гнуснымъ и блудомь чистота оскверњена дѣвице, браћа;
Образъ и законъ и црква и светци погажени явно:
Све є пропиштало ливаюћ' сузе у невольи горке;
Онда се подиже силна и храбра юначина мишцомь,
Петра и Марице врстный сынъ Ђорђе, а потоньій, Црный,
Когъ є невидимо Божія десница водила крѣпко,
Народу смућеномъ почевъ говорити небеснымъ гласомь:
„Докле ће Србске намъ падати жертве подъ яростн мачемь?
„Докле и светиня наша се газити ногама турскимъ?
„Докле юначство, поштенѣ подъ кивнымь пропадати ножемь,
„Сваке безъ обране, освете праведне, награде, казни?

„Драга о жалостна Браћо! я већь трпити нећу.
„Врату ми с' нећe у гвозденый ярамъ свирѣпа врага.
„Ако е драго вамъ, чуйте ми свѣтлу и велику тайну,
„Коя дубоко у прсима моима скрыва се давно:
„Дѣтетомь кадь самь Новкове чуваюћ' пасао свинѣ,
„Горомь и долиномь тамо и амо я ходио много,
„Єдномь сѣдећи изнадъ Кубршнице уморомь свладанъ,
„Ладомь и дебелымь гранаты' дрва' покрывенъ я онде
„Према жубору сладостномъ, знате вы, воде текуће,
„Тврдо самь засп'о, а свинѣ су аняле доломь и горомь,
„У сну чудеснымь околне ми планине синуше зракомь;
„Лишће с' узвіяше дуванѣмь съ истока сунца на западъ;
„Над-а-мномь два се указаше трептећа сяйностю лица.
„Кожа ми с' ежи, и садь ми се споменомь подижу власи,
„Како самь светогъ упазіо краля Студеничке лавре,
„И съ ньимь Архангела Гавріила, вѣстника Божеске тайне.
„Око ми ние сватало небесне красоте лика,
„Срдце и душа, сва природа внутреня тресла се одъ стра';
„Кадь ал' благе и силне имъ речи зазвонише озгорь:
„„Съ нама е Богъ, чуй, храбри се! Бѣде и туге е доста!
„„Богъ хоће, небо и светци, турска да престане сила.
„„Ты ако вѣруешь тврдо у Бога, сакрушитћешь врага.
„„Све може храбрость вольомь са Божіомь сдружена крѣпко.
„„Данашньій данъ ће одсудити снагу ти мишце и духа.
„„Далѣ ће т' Майка Анђелія тамо упутити млада,
„„Гди-но вамъ браћа подь праведнымь скиптромь уживаю срећу.““
„Съ тимь е изчезнуо санъ, и света и небесна лица.

„Іошть ми се срдце и чувства одъ страве повратила нису,
„Али два велика хрта садь прогоне хучно ми стадо;
„Погледамь: Турчина опазимь бѣсна на великомь хату,
„Како силовито нагони керове, біе пиштолѣмь.
„Два ми се прасца већь гушише крвлю, пѣнушише с' други.
„Срамно ми с' учини, трпит' безъ освете силу и лягу.
„Бога се сѣтимь и светца, и живо садь къ мосту похитимь.
„Кленомь заштиђенъ десной на обали потока брва,
„Премда ми с' груди стеснявале, страшнога Турчина свалимь.
„Црномь са крвлю онъ изблюва погану звѣрску му душу;
„Трупина лежа у праху, и едва у кршѣ е свучемь,
„Свѣтла скинувши іой ватрена ножа и удесне пушке.
„Крвь су заметнуле свинѣ, а коня самь пратио натрагъ,
„Крию' оружѣ у шуплѣму деблу, а тайну у грудма.
„Тако се воля испунила Светца и Божія прва,
„Срдца и мишце ми удесне снага се явила скоро.
„Ићи ми стои садь тамо, гдѣ кажу да живе іошть Срблъи,
„Свете остатке и поштую Майке Анђеліе вѣрно,
„Фрушка гдѣ гора се, чувают' светинѣ, кулама блиста.
„Кои васъ вѣрує Бога и Светца, нека е са мномь
„Свирѣпость коме е драга, некъ остае турскомъ у ярму!“
Сви садъ повикаше гласно: „Мы за тобомъ хоћемо Ђорђе!
„Кадь те е вышня снагомь укрѣпила десница Божя;
„Тебе кой остави, онога Богъ ће оставит' и Светацъ!“
Тайно се спремише люди и жене и дѣца и старцы,
Древена веће зашкрипаше кола кровъ шуму и гору;
Рыканѣ, блеянѣ съ меканѣмь смѣшане даваху гласе.
Мила Загорица съ местима красніма остаде пуста,

Скровито село Жабаре у корыту ливаде тучне,
Съ брзомъ Ясеницомъ, киѣеномъ валяоницама многимъ,
Ђорђе гди сладка дѣтинства му забавне проведе дане,
Крадомъ избѣгоше, Турска клонивши се страшнога хана.
Остаде црква Стефанова, Опленацъ за'ђе съ Тополомъ;
Већь и Космая съ Неменикућама про'ђоше срећно;
Авала съ Порчиномъ куломъ са истока являла с' горда;
Къ Дубокомъ выше Остружнице до'ђоше здраво и мирно,
Где су починули уморомъ свладани, прелазу спремни.
Брзо имъ Сава са Сремомъ с' указала очима жельнымъ,
Гдѣ ће поумлѣну достићи мету, и да'нути душомъ.
Али зложельна е Судбина ту се испречила кивно:
Или е Сатана старцу уселіо пагубне мысли,
Или се срдце потрзало сластю прадѣдске му землѣ,
Ил' му се дугимъ заръ робствомъ къ слободи затупило
чувство;
Петаръ каюћій се, Ђорђевый бабо, желяше се вратит';
Обыльомъ стаде одвраћати сына и гомилу свѣта:
„Мы ли смо люди подъ сѣдима власима? Камо намъ
разумъ?
„Када се варати даемо едномъ неискусномъ дѣчку,
„Коме у жилама крвь ври, душа с' у пламену віе,
„Те му е тесна постойбина, тражећи широка свѣта.
„Гди самь се родіо, младе проживіо съ друговы дане,
„Ту некъ ме стара са старима любима покрые земля;
„Сербіе унуци да се по гробной ми играю трави!
„Съ ове я землѣ ни крочити нећу за Ђорђевымъ трагомъ.
„Онъ ако слушати неће, небыло му никада трага;
„Вы ћете Турскогъ нештедећегъ жертва постанути мача,

„Пре него ногомъ на обалу ступит' уаможете Саве,
„Идемь я явити Туркомъ, шта сте наумили саде,
„Скоростю мунѣ похитаће яростни къ плѣну и крви."
Трепетъ и страх по народу про'ђе и жуборъ се диже:
Жене су прси біюћи проливале потоке суза',
Дѣца завришташе, уздишу старци, у бриви су људи;
Зло еръ е вратити е' натрагъ, горе не вратити с' бѣднымъ.
Ђорђе пакъ стегнувъ одъ жалости срдце говорити поче:
„Милый родителю! Шта ты рече, да одъ Бога наћешь?
„Мало ли зарь намъ е страданя, туге и неволѣ тежке?
„Мало л' одъ вѣкова съ неслоге крви с' проливало Србске?
„Побуне, претнѣ се про'ђи, и врати с', о врати се амо.
„Гди намъ е Божіе сунце освѣтлило путове до'вде,
„Ту ћешь зарь ты се упиняти црный навлачити облакъ?
„Сироте пиште, ах! небесна страши се гнѣва и стрепи.
„Вѣчите правде, знай, око е будно. О! врати се натрагъ!"
Неслуша родитель молбе ни совѣта млађана сына;
Къ планини веђь е окренуо лице и Турцима спѣши.
Смутня у народу расте, и брига се диже и яукъ.
Моле и заклиню, помоћи траже одъ Ђорђа и майке.
Онда и Марица, руке небесима ширећи, врисну:
„Оде ах! оде, и садь ће се невинне валяти жертве,
„Люты' кадь вукова' сѣвати очи са мачима почну.
„Я ако погинемь съ моега супруга поступка ружногъ,
„Нека бы; правда бы небесна раемь насладила м' душу;
„Съ насъ ал' кадь страдаю људи, вѣчно намъ пропада
душа.
„Ено, да, ено га, одлази, неће, ах! неће се вратит'.
„Жалостна майка ти, Ђорђе, коя те е родила сына!

„Отца ты устави силомь, лѣпе кадь неслуша рѣчи.
„Десница гди ти е добра, съ оружіемь удесно око?
„Тамо га шильи, гди Турци му неће саслушати гласа!
„Проста небыла ти утроба моя и майчино млеко!
„Оде, ах! Оде! и садь ће се невинце валяти жертве.“
Огнѣномъ Ђорђу е веће ускипила жестока крвца:
Трипутъ е подиг'о, спустио десницу снажну недвижимъ;
Тежко еръ срдцу е сладку раскинути природе свезу.
Нужда ал' гвоздена свагда и свагди е меняла законъ:
Плачемь сиротинѣ многе су с' срдце разтрзало силно,
Отца и матере клетва раздваяла душу и чувства;
Сва се потресала природа; къ небу садь сѣвнуше очи,
Вѣрномъ па Другу*) е пружио цѣвь смртоносну са рѣчма:
„Бій! да нестрада толикій намъ народъ. Болѣ онъ еданъ.
„Ако е правда и Божія воля, погодити хоћешь!“
Плану и састави нишанъ, и згоди удалѣна старца.
Паде и съ душомь се разстаде; црна га покрыла земля.
Опоянъ онъ е у спроводу цркве и закона Србска.
Жена и сынъ му іошть залише гробницу сузама топлим';
Яре и овцу за душу му заклаше; дѣлише бѣдным'.
У то и тамна се спустила ноћца са звѣздама сяйним';
Сава е путнике пріймила, Срему с' прикучише срећно,
Леже гди свети остатци Кнеза и Деспота' Србски'.
Текъ што е с'ютра одъ истока ставе освѣтлило сунце,
Ђорђе Крушедолу цркви, къ Майки Анђеліи до'ђе,
Волю да испуни Божю, Архангела, светогъ и краля.

---

*) Ђорђу Остоићу.

II.

СТРАДАНІЕ СРБСКО
године 1813.

Одъ Босне се Турска войска силна люта диже,
Сабля сѣва, пушка пуца, чета чету стиже,
А Дрина се плачемь гуши, Мачва тежко дише;
Ядаръ са ньомь и Поцерье и Шабацъ уздише.
Облакъ се віе,
Сунце се крые
Сербіи.

Съ Делиграда, Неготина, и Кладова тутньи,
А Морава предае се горке судбе слутньи:
Веќь и Петки являю се силна грома гласи,
Београду удараю грозна рока часи.
Сузе ах! ліе,
И прси біе
Сербія.

Србъ Србина довикуе, къ обрани позива,
Диже гласе до небеса, и Бога призива;

Руса виче и нариче, синьій пуца каменъ,
Али Москве више не'ма, сву прогута пламенъ.
Помоћи ние
Жалость ах! піе
Сербія.

Боланъ Ђорђе у Тополи у постельи лежи,
Десна рука клонула му, Турчинъ већма с' ежи.
Већь погибе храбрый Вељко, десно паде крыло,
Устава се провалила, буря продре силно.
Яукъ се чуе,
Врагъ ланце куе
Сербіи.

Залудъ Вила са планина' билѣмь Ђорђа диже,
Притиснута кадъ Сербія веће слабо дише;
Нит' се грудма уставляю громовни ударци:
Ђорђе броди преко Саве, и дѣца и старци.
Главе кадь ние,
Ни срдца ние
Сербіи.

Оставлѣна скорбна майка неутѣшна гледи,
Прекосавскимъ царскимъ Србма плачевно бесѣди:
Пріймите ми у загрлѣ мою децу драгу,
'Лѣбомь, виномь и любавю дижите имъ снагу.
Братъ вамъ се віе,
Некъ срдце біе
Србину.

Ах! Хоће ли Божье око Срба озарити,
Хоће ли се кадгодь сунце опеть намъ родити,
Любвомь, слогомь и юначствомь крстъ и образъ бѣлит',
И крозъ силне ове муке вѣчномь славомь свѣтлит'?

Где срце біе,
Ту с' свѣтлость віе
Сербіи.

III.

НА СМРТЬ ЛУКІАНА МУШИЦКОГЪ.

И Ты намъ паде, велика подпоро,
Надеждо сяйна! Ледена рука ти,
Дизана любве жаромь къ роду,
Престаде управлят' Србскимь плектромь,

И цркве жезломь. Горка е судбина:
У обштой бѣди бурѣ погибелне,
Громъ када рази, прети волна,
Даску спасенія топи грозно.

Шта лѣпа душа може у душама
Са чистымь огнѣмь любве ко народу,
Мушицкій, спутникъ Муза' вѣрный,
Остави вѣчитый споменъ зрачный.

У борби тужной лютим' са стрѣлама
Ах! кивне злобе, подобно Иройма
Доброте, правде древна вѣка,
Многу е испио горку чашу.

Юнакъ ал' нравный, духомь и наукомь
Высокомь силанъ, кормиломь управля,
И ратне сѣче страсти, къ благу
Обштему тежеħи крѣпкомь вольомь,

Да умность сійне тежкимь надъ бременомь
Єстества земна: гди є величія
Людска скрывена мета: ту онъ
Достиже славе у свѣтломъ зраку,

И рода Србскогъ любови ватреной,
Кою ни силногъ лице намрштено,
Сковъ нити лажны' ляга', сѣтій,
Може угасити игда. Та му

Тріумфъ на вѣки съ побѣдомь выспреномь.
Самъ собомь сіянъ, презире подлости
Онъ срдца, душе, даюħ' свѣтлость
Заслуги истиной сладкимь трудомь.

Веħь столпи свѣтле, выси се Пантеонъ
За хвалне душе; племе се разноси,
Гди с' Хумболдъ знои. Нѣмци умни,
Огнѣни Галли, дубоки Англи,

Потомци Рима, леденъ и Петровъ градъ
Познаю Тобомь Србльина цѣну, моħь.
Там' съ Шишатовцемь Фрушка блиста,
Карловацъ казуе подвигъ силный

За вѣру, цркву, школе и науку.
Источникъ живый юности отворашь
За ревность свету къ части рода,
Красна художества златнымь ключемь.

Садь къ прагу црномъ вѣчности ступаюћ',
Последнѣ вворе народу обраћашь,
И вѣнацъ славе Тобомь сплетенъ
Генію рода ти пружашь на честь.

Чека Те Раић, равне ах! судбине,
Терлаић умный другу се радуе,
Доситей нѣжный пружа руку,
Предсрета любвомь, и сладкомь дружбомь.

О! ступай срећанъ къ покою небесномъ;
У Срдцам' живећ', завѣтъ намъ оставляшь
Потомству вѣчный, како валя
Любити, красити цркву и родъ.

IV.

ДѢВОЙКА И РУЖА.

Цвѣтала ружа румена
У врту лѣпе дѣвойке,
На чбуну росномь, китнястомь.
Дѣвойка ружи говори :
Я ћу те, ружо! узбрати,
Ты ћешь се съ чбуномь разстати.
Морамъ те метнут' на прси,
На прси мое, на срдце,
Да се я съ тобомь накитимь,
Да душа моя мирише,
Милиномь свакогъ задише.

Дѣвойци ружа бесѣди :
Бери ме, бери! немаримь.
Юнакъ ће доћи са стране,
Мене ће лѣпо осветит',
Тебе ће съ майкомь разставит',
Одъ брата, сестре одтргнут';
Сузе ће майка ронити,

Сестра ће жалость дѣлити,
Юнакъ ће с' тобомь китити;
Ти ћешь се руже сѣтити,
И на чбунъ росный мыслити,
Када се съ майкомь разстанешь,
И сестру съ братомь оставишь.

СИМЕ МИЛУТИНОВИЋА.

(Чубре Чойковића, Сарайліе.)

I.

РТАНЯЦЪ,

или:

Роѣенѣ Велька Петровића.

Чусе нешто у облачку ясну,
Выше бѣла града Нѣготина,
Свѣтъ се трже да увиди шта є,
А то една пребіела війла,
Дивна війла Тимокиня млада,
Извила се у чистину плавна
Изнадъ свога одисконска нѣдра;
Кликће радаа иза свега гласа,
Творца позоръ приклонила пѣсни,
Небо, земля, сви предѣли дальни
Звѣзде, горе нигда некренуте,
Мора, рѣке, извори дубравски,
Стѣнѣ, дрвлѣ и красоте польске,
Свес' пренуло, све притекло чути;

И вѣтринаа трубе су замуклѐ
Адскіи млази забленувсе стали,
Оживѣли одъ віека мртцы,
Прогледали одъ рођеня слепцы,
Све притекло изъ дубин' живота,
И свѣтъ новый примакосе старомъ,
Дивѣ свое уши оклопіо,
Чут' и видѣт' піе нечувено,
Што ни сунце одъ постаня видло,
Већь да вѣчный кадъ умнуо такво,
Што закликта Нѣготинка бѣла;
Пѣвке пѣвка свога любавника,
По имену Велька Петровога,
Свог' Войводу одъ Краине славне,
Юнаштва му озго гледајући;
Ню зачувши уздражесе и све
Нѣ другарке добра цѣнительке,
Славна дѣлца свію шкаклѣ грлца,
Фаалит' врлость природство е ньима.

Ой Мушкобанна гоена е Србка,
На средъ красног' села Уленовца,
Пасућ' стадо по 'Ртню біело,
Предућ' прелу, но и носећ' пушку;
Танѣ прела него Сараевка,
Пушкомъ билла кано Црногорка,
Лицу іой се и зора дивѣла,
Чисту л' срцу ючерашньи яньцы.
Якада е до цвіета стигла,
Башъ к'о да іой наспѣнуло нешто,

Тури прелу на билѣгу хитцу,
Вѣрной шарри маомъ огань приче.
Лопатка е преслични прела;
Другомъ пуни опета се меће,
Пребія е посредъ половине,
А кад' скреса разжешћена трећу,
Сва і' преслица у перишанъ пошла.
Пука чуйну козарь у стѣнама,
Како чуо, тако разумѣо,
Горскомъ вуку чини препоруку:
„Богомъ брате мркозеленъ звѣре,
Причувайде суро стадо мени,
Докъ се къ нѣму вратимъ я опета,
Вѣра моя и юначка срећа!
Дат' ћу теби све біеле овце,
Текъ пастыру доскочимъ ли ньйну.“
Иамъ одекака трогодацъ Єленко,
Брже нашо ріедка овчара:
„Божя т' помоћь ліепа младицо!
Пуцань пушке начуо самь твое,
Сѣтіосе да гађашъ билѣга,
Давно ми е иета игра душа,
И несташно преволѣ ме срце,
Дуга л' пушка пожелѣла гласа;
Ковіе самь окце понесао,
Да на нишанъ ставимъ га хитцыма.“
То т' младойка, кано ти дѣвойка
Спрамъ свакога найболѣг' юнака,
Єдва чула, єдва дочекала,

Пребіело заложила стадо,
Уза стадце свою пушку исту,
И антрешель робиньомъ му быти,
Ако млада непогоди окце —.
Козаръ дае свое сиве козе,
Свое очи па и обѣ руке,
Ако билѣгъ неустрелне истый,
Ил' іой быти робомъ за віека;
Томъ свѣдоцы траве и звѣздице,
Ал' по цигломъ да се метну пушкомъ.
Сподби окце млада овчарица,
Лѣтораслу натнула га витку,
Билѣгъ ставля на триста коракаа,
Небы л' баремъ сама незгодила,
Диже пушку пріе одъ козарка,
Диже дугу на біелу руку,
Іоштъ ни деснимъ ниж' ню погледнула,
Одпонцемъ іой грома придаднула,
Промашнула билѣгъ нафалице;
Ал' се меће козаръ изъ Латинке,
Ни два ни три већь у нишанъ одма,
Погодивши гротомсе насмѣхну:
„Фала Богу на еваком' дару!
Башъ ми даде што и желяхъ давно,
Штоно волимъ нег' и оба стада,
Хай пастырко! сама душо-моя.“
Ал' и дьойзи то изненад' не бы,
Жедномъ вольомъ нѣму одговара:
„Ето стада, и ево ти мене,

Души л' своіой . . . сад' пробери дражже."
Загонетку козаръ увѣднуо,
Овце пушта пасти зеленицу,
А ню сподби десномъ за лѣвицу,
Не бы л' срцу примако се ближе,
Води право подъ чадора еле,
Лѣто, жега, к'рвца л' узаврела,
А ту двома згодно пландовати —
Ал' су барем̃ подмирили желѣ,
Любилисе, не налюбилисе
Одъ милине Вышнѣмсе молили:
„Свани Боже свем' осталом' свѣту,
А нам' двома немой до віека,
Волѣга ти рая нетражимо!
Едно друго питтаћемо душам',
Смртну жеђу гасиће нам' люби,
Нам' одѣло тма быт' и пустиня,
Наше л' сунце ноћна преходница —."
Ту имъ циглу поренао Боже,
Друге одъ нъи захтіево жертве,
Судбиномъ ій открит' заповѣда,
У лагахне умамесе снове,
Сньиваньима обая имъ срца,
Оде тама и звіезда сяйна,
Остадоше они у средъ ноћи,
Успавани како т' у самоћи —.
Пріе ютра у прозорѣ плаво,
Славуй ньима вищ' главе е пао,
Рану зори пропѣвнуо пѣсну,

Пакъ ньим' двома другу припѣвушну
О любавномъ догађаю таквомъ
Каква жуде и бродарке війле;
Ал' горчину трећой уміеш'о,
Каконо ћее быт' имъ слађе прве,
Како л' ће ихъ пріе разбудити,
Заръ не славуй, но изъ мрака нешто —
Вражял' завистъ и ту се обрела,
Кодъ онликій грађанскіе срцаа,
И пастырска смутит' иколико,
Све л' не посве каконо бы хтела,
Єръ тек' ту іой неподпуна і' влада,
И небесне што улавля себи — :
„Зла ти срећа, то-горе ти ютро! . . . ?
Вукъ огладнѣ, прождріе ти стадо,
Ты подъ еломъ у немару дреждишъ!
Шта л' ће рећ' ти стара на то майка!? —“
Плахо козаръ пренуо се одъ сна,
Бы му жао дићи любезницу
Изъ преслáде къ растаяню тужну,
Нађе манѣ небудит' ее жалбе,
Таіомъ оде на ториште коозаа,
Причуват' ій к'а и своє саме;
Тек' ньой милой срце оставіо,
Своє срце изъ живіе грудій,
Ньой у нѣдра međ' біеле дойке,
Кад'се прене, да се ньимъ утѣша,
Вѣруюћи доћи ће іой драгій.
Козаръ къ тору, ал' му стадце здраво,

Naђe вука ђе га братски чува,
Юначка е трђа одъ челика,
Само юнакъ ріечь одржава,
Нѣм' е врлость штите и оклопе,
Свему вольомъ на край стае цѣломъ,
Чиста слава слѣдуе му дѣл'ма.
„Ево побро што самъ се задрж'о,
Знађахъ, вѣрный стадце чува мое,
Па добывши овце и овчара,
Яньце пустимъ къ доиляма свим',
Нек' се уче ситный калацъ пасти,
Дружство л' свое обикавши младо,
Некъ позонаду да іоштъ има еласти
И сѣмъ млека и кромъ майке сисаа;
Пакъ я узмемъ раду пастыркиню,
Одведемъ ее къ дебеломе хладу,
А подъ елу заклонявны' гранаа,
Срца нам' се болѣ разумѣла,
Єднымъ друго себе обдарила,
Мое оста, я безъ нѣга доћо,
Мучно бы се и сад' разстануо,
Да ме нешто непревари злобно;
Добро памтимъ я обѣта мога,
Ал' те побро моли побратиме,
Недирай ми у біело стадце,
А ето ти све кусасто мое."
„Вукъ изъ горе не бы вукомъ бю,
Побратимску непослушавъ молбу,
Іошъ сувыше ни едног' ти нећу!

Пріятельство светость е и звѣру,
А мен' доста и по гори лова,
Вепров' дивыхъ и медѣдаа страшныхъ,
Юнаштвомъ е мени хранити се."
Пакъ му рече: „Збогомъ остай побре,
Устребамъ ти л' опета ме вабни,
Вѣрно ухо на край свѣта чуе."
Тад' разигра свое брве ноне,
Невидисе домаша ли талаа
Реко б' лети ластавице крили,
Оде живит' кано е привико,
Само самцатъ ка' божество неко —
Но и козаръ садъ изяви стадце,
Да га мрвке попрочасти бретомъ,
Пакъ и одпутъ къ свом' да летне срцу;
Брезъ живота, и безъ нѣг' му і' равно —
Али бретећ' нестадоше козе,
Докле лоемъ ребра необлише,
Свомъ чувару задаваше муке
Тежке найпре, а по лакше после,
У то приспѣ ярені имъ друго,
Козаръ се е томе обрадов'о
Диже козе съ литичинаа снѣжны',
Право яви у низине шумске,
Кудъ му Миля свое овце пасе,
Съ яньцыма се кроткимъ играюћи,
Ђес' ненад'о ту е затекао,
У пристранке и пропланке горске
Изявила бѣло свое стадо,

Ал’ ’во среће неиграсе съ яньцы,
Већъ соколче себи породила,
Шъ ньимъ излѣгла на сретъ премалѣћу,
И сунашцу пожелѣна свѣта,
Свом’ ли драгом’ . . . давно ненадноме;
Срце драгог’ дѣтенцету дала,
Да бы ньимсе оно забављало,
Ньой милине све у нѣму нейма,
Извѣтрила, развсулае’ веће,
Єдва і’ наће по найманю канцу,
Там’ и чакно у наслади ланьской,
И у цвећу што рудину нови,
Што л’ и самость преублажа иету;
Ал’ на злу несме погледнути,
Спомнњѣ ое найнесретна часа,
И найлюћа’, кадъ іойс’ искр’о драгій.
Давно смрть іой споменъ бы задао,
Да іой ніе одъ срдашца плодка!
Дѣте плаче, но тим’ блажи майку,
Нѣне яде своим’ сузам’ гаси,
И том’ радаа одъ неволѣ пѣва:
„Неба даре, та любави жаре!
Твои плачи майцы су колачи,
Да ми ніе т’ свисла бы одавно,
Там’ у мртвим’ блаженства б’ искала;
Там’ и обѣтъ утѣхе страдалцу!!
Тебе л’ ради іошъ ев’с’питтамъ тугомъ,
Небы л’ како приплодъ одгоила,
Даръ ми циглій, ахъ . . . сладости горке —.“

Ђипи козаръ изъ шевара блиска,
Веђ' немого више устрпит'се,
Свѣтлимично загрліо срце,
Часкомъ смртну боолю излѣчнуо,
Обое ихъ тако загрліо,
Те утѣшка разяђену майку,
Радее точеђ' у нѣдра іой сузе,
И полюбце даюђи іой жарке,
Млого болѣ нег' и земльи сунце
Кадъ по грозной обася ее зими,
Іошъ іой глед'ма и езыкомъ немимъ
Свою нутрость изказ'о е веђ'ма,
Нег' бы клицы найнебесны ликаа.
Пакъ потекаръ вратившисе у се,
Кликомъ кликне, та изрикомъ викне:
„Здружньо душаа и стада нам' здружи!
На насъ гледеђ' нек' живнаре скупа,
Нек'се яньцы са козлад'ма кладе,
Тко ђе у высъ болѣ поскокнути,
Чіе л' челце грухкаюђ'се яче;
У средъ игре нексе дойке сѣтну,
Нек' у незнанъ свако ткрне къ своіой,
У хитрости нек' и туђу дойне,
Подоивши любушкат' ее стане,
Ка'но исто а праву майчицу,
Та ка'но ђу и я мою Милю
Вѣрно любкат' и довіекъ чувкат',
Да насъ ништо веђь раставит' неђе,
Смрть ли дођс, мріет'ђемо скупа,

Пепелъ костій нек' нам' е заедно,
Па што Богъ да и на оном' свѣту,
Сведобрый насъ едда неразставне
Баш ни тамо, где све желѣ пріимa—."
Завѣтомъ се подукрѣпну таквимъ,
Вышньій животъ отле имсе почне,
Поднашаху г' свесладія плодку,
Скупа иду стада здругу пасти,
Скупно луче шилѣжъ съ яловинѣмъ,
Музу овце и козлице скупа,
Лежу доцне, и устаю рано,
Кадъ све скупа ни то напонасе —.
Ову свадбу, и ову женидбу,
Како ђешто тек' пастыр'ма быва,
Богъ е шѣео, Богъ е учиніо,
Богъ ій вѣнчо, Богъ имъ кумовао,
И Богъ самый благословіо е,
Што икога икада своега
А у храму поднебесну саму.

НАРОДНЕ ПЕСМЕ.

I.

СМРТЬ ОМЕРА И МЕРИМЕ.

Двое мили у милости раст'ло,
Омеръ момче съ Меримомъ дѣвойкомъ,
Изъ малена одъ три ґодинице.
Кадъ е Омеръ на женидбу быо,
И Мерима была на удаю,
Ал' бесѣди Омерова майка
„Ой Омере, мое мило перѣ!
„Айд', Омере, рано материна,
„Айде рано, да те жени майка;
„Ты се мани Мериме девойке;
„Лепшомъ ће те оженити майка,
„Лепомъ Фатомъ, Атлагића златомъ.
„Кояно е у кавезу раст'ла;
„Ни е вид'ла сунца ни мѣсеца,
„Нити знаде на чем' жито расте
„На чем' жито, на чему ли трава;
„Нити знаде, што е мушка глава."
На то Омеръ ни слушати не ће:

„Не ћу, боме, моя мила Майко!
„Не ћу Фате за живота мога,
„Већъ я ћу Мериму дѣвойку.“
Онъ огрне коласту аздію,
Подъ аздію седефли тамбуру,
Па онъ иде Мерими на пенџеръ:
„Душо Меро! отвори ми врата,
„Яли врата, яли стакленъ пенџеръ.“
Ал' се майци не може на ино,
Не ће майка просити Мериму,
Већъ му проси Атлагића злато,
Испроси му и прстенова му.
Мало іой е рока оставила,
Мало рока за неделю дана,
Докъ е она свате сакупила,
Сакупила, оће по дѣвойку:
„Айд' Омере, мое бѣло перѣ!
„Айде, рано, по твою дѣвойку;
„Майка ти е Фату испросила,
„Испросила и прстенъ іой дала.“
Не ће Омеръ майке послушати,
Већъ онъ оста у бѣломе двору;
Оде Майка Фати са сватови.
Предъ ню шеће Атлагића злато,
Па е люби у десницу руку:
„Ой старице, Омерова майко!
„Какавъ данакъ брезъ яркога сунца?
„Каква-й ноћца брезъ сяйна месеца?
„Какви л' свати брезъ млада женика,

„Брезъ женика, брезъ Омера твога?“
Ал’ бесѣди Омерова майка:
„Ой Бога ти, Атлагића злато!
„Ти с’ не брини за млада женика,
„За женика, за сына моега;
„Ође кажу гору виловиту,
„И у гори загоркиню вилу,
„Коя скида злато са коньица;
„Я се боимъ за моега сына,
„Устрѣлиће мог’ сына едина,
„Сына мога, Омеръ момче младо!“
Кадъ су дошли Омеровомъ двору;
Сви сватови конѣ одсѣднули,
Не одсѣда Атлагића злато;
Ал’ бесѣди Омерова майка:
„Одсед’ коня, мила снао моя!“
„Не ћу, боме, Омерова майко,
„Док ми Омеръ коньица не прими,
„Докъ не прими, и с’ коня не сними!“
Оде майка горе на чардаке,
Па беседи Омер-младоженьи:
„Айд’, Омере, рано материна!
„Айде сними злато са коньица.“ —
„Не ћу боме, моя мила майко,
„Та тврђа е вера одъ камена.“
Вади майка свою бѣлу дойку,
Па заклинѣ своіомъ бѣломъ дойкомъ:
„Проклета ти моя рана была
„Ако злато са коня не снимишъ.“

То с' Омеру на ню не може,
Већъ онъ ђипи на ноге лагане,
Ђипіо е, иде предъ дѣвойку,
Пакъ онъ прима злато на коньицу,
Онъ га прима и на землю скида.
Садъ су Божій законъ савршили,
Кадъ е было вече о вечери,
Вечераше кићени сватови,
И сведоше двое младенаца,
Леже злато у меке душеке,
Сѣде Омеръ на шарен' сандуке;
Самъ се свлачи, а самъ распасуе,
А самъ вѣша руо и оружѣ;
Самъ говори, а самъ одговара:
„Сада ће ми мое злато рећи:
„„Омеръ люби Фатиму дѣвойку,
„„А на мене сада и не мысли.““
„Не ћу тужанъ вѣре изгубити,
„Макаръ знао изгубити главу!“
Ал' бесѣди Атлагића злато:
„Богъ убіо Омерову майку!
„Што растави и мило и драго,
„А састави немило недраго!“
Ал' бесѣди Омеръ момче младо:
„Ой бога ти, Атлагића злато!
„Довати ми дивитъ и артію,
„Да ти пишемъ до двѣ до три рѣчи,
„Да те моя необѣди майка.“
Кадъ е ситну кньигу написао,

Онъ говори Фатими дѣвойци:
„Чули мене, Атлагића злато!
„Не пуст' гласа до біела дана,
„Докъ се браћа вина не напію
„И сестрице кола наиграю,
„Стара майка пѣсме не напѣва!"
То изусти, па душицу пусти.
Кадъ у ютру біио данъ освану,
Данъ освану и сунце ограну,
Оде майка да буди младенце;
Али млада плаче и яуче,
Она кука како кукавица,
А уздише, како удовица,
Пишти, плаче, како и дѣвойка;
Ал' бесѣди Омерова майка:
„Мой Омере, мое мило перъ!
„Не Омере, ако Бога знадешъ!
„Немой туђи првый данакъ любе;
„Одъ людій е заворъ и срамота,
„А одъ Бога велика греота."
Али Омеръ ништа не говори,
Већъ онъ лежи мртавъ на земльици;
Писну, врисну Омерова майка,
Писну, врисну своію снау куне:
„Богъ т' убіо, Атлагића злато!
„Што у чини одъ Омера мога,
„Одъ Омера,одъ сына едина?
„Шта учини? да одъ Бога наћешъ!
„Зашт' г' удави? не было те майци!"

Ал' бесѣди Атлагића злато:
„Не куни ме Омерова майко!
„Я ти ниесамь сынка удавила!
„Већъ ево ти ситне книге мале,
„Што е мени Омеръ оставио.“
Кньигу штіе Омерова майка,
Кньигу штіе, грозне сузе ліе.
Ситна кньига ньойзи ово каже:
„Скупи мени моя мила майко!
„Скупи мени младе носиоце,
„Носиоце момке нежењене,
„Пратиоце дѣве неудате;
„Обуц'те ми танану кошулю,
„Што-й Мерима у милости дала;
„Вежите ми везену мараму,
„Што-й Мерима у милости везла;
„Китите ме цвећемъ каранфилѣмъ,
„Чимъ е мене Мерима китила;
„Пакъ ме нос'те Шеітели сокакомъ,
„Покрай бела Мерймина двора;
„Некъ ме види Мерима девойка,
„Некъ ме види и некъ ме целива,
„Кадъ ме ніе живогъ целивала.“
Што е рек'о Омеръ момче младо,
Што е рек'о, то су учинили:
Скупили му младе носиоце,
Носиоце момке нежењене;
Пратиоце дѣве, неудате;
Обукли му танану кошулю,

Што-й Мерима у милости дала;
Везали му везену мараму,
Што-й Мерима у милости везла;
Китили га цвѣћемъ каранфилѣмъ.
Чимъ е нѣга Мерима китила;
Носили га Шептели сокакомъ
Покрай бѣла Мерименна двора.
Везакъ везла Мерима дѣвойка
На пенџеру на дебеломъ ладку;
За главомъ іой два румена ђула,
Обадва іой на ђерђефъ падоше;
К' ньой долази наймлађа снашица,
Ал' бесѣди Мерима дѣвойка:
„Богомъ теби, мила снао моя!
„Два ми ђула на ђерђефъ падоше,
„Богъ бы дао, да бы добро было!
„Врло мири цвѣће карамфилѣ,
„А іошт' веһма замириса коса
„Чими ми се могъ милогъ Омера.“
Ал' говори мила снаа нѣна:
„Да Бога ти, мила заовице!
„Заръ ти незнашъ за Омера твога?
„Омеръ ти се другомъ оженіо,
„Башъ Фатимомъ лѣпомъ дѣвойкомъ;
„Саде Омеръ за те и не знаде,
„Веһъ онъ люби Атлагиһа злато.“
Разлюти се Мерима дѣвойка,
Одъ лютине сва е преблѣдила.
Одъ жестине мало потавнила,

И одъ туге веће изумрла;
Везућ' преби иглу одъ билюра,
И замрси шестъ пасама злата,
Па облачи на ноге пашмаге,
Она оће авліи на врата;
Ал' іой снаа мила говорила:
„Не люти се, мила заовице!
„Омеръ ти се есте еженіо,
„Ал' е яданъ ноћасъ издануо
„Одъ жалости за тобомъ дѣвойкомъ;
„Сада мртва Омера ти носе,
„Та носе га млади носиоци,
„Носиоци момци неженѣни.
„Пратиоци дѣве неудате.“
Бризну плакат' Мерима дѣвойка,
Па излази предъ біеле дворе,
Ал' Омера на носила носе.
Она брати младе носиоце,
Носиоце момке неженѣне:
„Богомъ браћо, млади носиоци!
„Спустите га на земльицу чарну,
„Да га ядна я мртва целивамъ,
„Кадъ га нисамь живога любила!“
То сў они за Бога примили,
Мртво тѣло на землю спустише,
Три е яда надъ ньимъ изядила,
Жива никла, а мртва одникла.
Докъ Омеру раку ископаше,
Дотле сандукъ Мерими стесаше,

У едну и раку саранише,
Кроз сандуке руке саставише,
И у руке зелене ябуке.
Мало време за тим постаяло,
Из Омера зелен бор никао,
Из Мериме зелена борика;
Борика се око бора вила,
Кано свила око ките свиля;
Чемерика око обадвога.

II.

БАНОВИЋЪ СТРАИНЯ.

Нетко беше Страиниħу бане,
Беше бане у маленой Баньской,
У маленой Баньской край Косова,
Да таквога не има сокола.
Єдно ютро бане подраніо,
Зове слуге и къ себи призивлѣ:
„Слуге мое! итро поитайте,
„Седлайте ми одъ мегдана ђогу,
„Окитите, што лепше можете,
„Опашите што тврђе можете,
„Єръ я, децо, мыслимъ путовати;
„Оħу Баньску оставити града,
„Мыслимъ ђога коня уморити
„И у гости, децо, одлазити,
„У таствину у бела Крушевца,
„Къ милу тасту старцу Юг-Богдану,
„Ка шурева деветъ Юговиħа;
„Тастбина ме та желькуе моя."
Господара слуге послушаше,
Те сокола ђога оседлаше.
Опреми се Страиниħу бане,

Уд'ри на се дибу и кадифу,
Поноситу чо'у саялию,
Што одъ воде чо'а црвенія,
А одъ сунца чо'а руменія;
Окити се еданъ србскій соко,
Па поседе ђога одъ мегдана,
Одма пође, у тастбину дође,
У тастбину у бела Крушевца,
Гди одъ скоро царство постануло,
А виде га старацъ Юг-Богдане,
И виде га деветъ милы шура,
Соколова деветъ Юговића,
Мила зета едва дочекаше,
У наруче зета загрлише,
Верне слуге коня преватише,
Зета воде на Френђію кулу,
Кодъ готове совре поседоше,
Те господску рівчь бесеђау.
Навалише слуге и слушкинѣ,
Неко двори, неко вино служи.
Што біяше ришћанске господе,
Поседаше те пія'у вино.
У вр'ъ совре старый Юг-Богдане,
Съ десне стране уза раме свое
Седе зета Страинића бана,
И ту седе деветъ Юговића,
Низа совру остала господа;
Ко л' е млађій, двори господаре.
Но біяше то деветъ шурняя,

Но шурняе дворе упоредо,
Дворе свекра силна Юг-Богдана,
И двора'у свое господаре,
А найвише зета поносита;
А слуга имъ една вино служи,
Служи вино едномъ купомъ златномъ.
Я да видишъ друге ђаконіе,
Ђаконіе, многе госпоштине!
Како, брате, гди е царевина.
Позадуго бане гостовао,
Позадуго бане зачамао,
Поноси се бане у тастбини.
Госпоштине што е у Крушевцу
Досадише ютромъ и вечеромъ,
Молећи се силну Юг-Богдану:
„Господару, силанъ Юг-Богдане!
„Любимо ти свиленога скута
„И десницу твою белу руку,
„Ну потруди чудо и господство,
„И поведи мила зета твога,
„Ну доведи Страинића бана
„У дворове и у куће наше,
„Да мы неку пошту учинимо.“
Свакомъ Юже атаръ навршуе,
Докъ су тако наредили были,
Дуго было и вріеме проће,
И за дуго бане зачамао.
Но да видишъ яда изненада!
Єдно ютро, кадъ огрея сунце,

Мезилъ стиже и біела кньига
Башъ одъ Баньске одъ малена града,
Одъ нѣгове остарѣле майке,
Бану кньига на колѣно паде,
Кадъ разгледа и проучи кньигу,
Ал' му кньига доста грдно каже,
Кньига каже, гди га куне майка:
„Гди си, сыне, Страиниђу бане?
„Зло ти было у Крушевцу вино!
„Зло ти вино, несређна тастбина!
„Види кньигу, нечувены яда!
„Изъ уба'а една паде сила,
„Турскій, сыне, одъ Єдрене царе,
„А царъ паде у полѣ Косово,
„А царъ паде, доведе везире,
„А везире, несређне веђиле.
„Што е землѣ те обвлада царе,
„Сву е турску землю подигао,
„У Косово полѣ искупио,
„Притискао сво полѣ Косово,
„Уватіо воде обадвіе:
„Покрай Лаба и воде Ситнице
„Све Косово сила притиснула.
„Кажу, сыне, и причаю люди:
„Одъ мрамора до сува явора,
„Одъ явора, сыне, до Сазліе,
„До Сазліе на ђемеръ ђупріе,
„Одъ ђупріе, сыне, до Звечана,
„Одъ Звечана кажу до Чечана,

„Одъ Чечана врху до планине,
„Турска сила притисла Косово.
„Подъ брой сыне, на тефтере кажу,
„Но у цара сто 'иляда-войске
„Некаквога царева спаія,
„Што имаю по земльи тимаре,
„И што еду љеба царевога,
„И што яшу коњѣ одъ мегдана,
„Што не носе по много оружʼя,
„До по едну о поясу саблю;
„У Турчина, у турскога цара,
„Кажу, сыне, другу войску силну,
„Огнѣвите Турке яньичаре,
„Што Єдрене држе кућу белу,
„Яньичара кажу сто 'иляда;
„Кажу, сыне и говоре люди
„У Турчина трећу войску силну
„Некаквога Туку и Мацуку,
„А што хуче, а што грдно туче.
„У Турчина войске свакояке,
„У Турчина едну кажу силу,
„Самовольна Турчин-Вла'-Алію,
„Те не слуша цара честитога,
„За везире никадъ и не мысли,
„За цареву сву осталу войску
„А колико мраве по земльици,
„Такву силу у Турчина кажу.
„Опъ бѣва зла, сыне проћи нехте,
„Не хте съ царемъ, сыне на Косово,

„Окренуо друмомъ лјевјемъ,
„Те на нашу Бањску ударјю,
„Те ти Бањску сыне, оядјо,
„И живјемъ огнѣмъ попалјо,
„И найдолный каменъ разтурјо,
„Верне твое слуге разагнао,
„Стару майку твою оядје,
„Са конѣмъ јой кости изломјю,
„Верну твою любу заробјо,
„Одвео е у полѣ Косово,
„А я, сыне, кукамъ на гаришту,
„А ты вино пјешъ у Крушевцу!
„Зло ти вино напоконѣ было!“
Я кадъ бане књигу проучјо,
Мука му е и жао е было,
У образъ е сѣтно невесело,
Мрке брке ниско обесјо,
Мрки брцы пали на рамена,
У образѣ се люто намрдјо,
Готове му сузе ударити.
А виде га старацъ Юг-Богдане,
Виде зета ютру на уранку,
Плану Юже, како огань живый,
Страинићу зету проговара:
„О мой зете, Богъ ми съ тобомъ быо!
„Што си, зете, ютросъ подранјо?
„А у образъ сѣтно невесело?
„Одъ шта си се, зете, раздертје?
„На кога си с', зете, разлютјо?

„Ал' се шуре тебе насмеяше,
„У еглени ружно говорише?
„Ал' шурняе тебе не дворише?
„Али ману той тастбини наће?
„Кажи, зете шта е и како е?„
Плану бање; па му проговара:
„Проћ' се, тасте, старый Юг-Богдане,
„Я самь съ шурам' быо у міепо,
„А шурняе господске госпоће,
„Дивно зборе, а дивно ме дворе,
„Той тастбини моіой мане нема,
„Но да видишъ, што самь невесео:
„„Стиже кньига одъ малене Баньске,
„„Башъ одъ мое остареле майке.““
Каже яде тасту на уранку,
Како су му двори поарани,
Како су му слуге разагнате,
Како ли е майка прегажена,
Како ли е люба заробльна;
„Но мой тасте, старый Юг-Богдане!
„И ако е моя данасъ люба,
„Люба моя, ал' е шћера твоя:
„Срамота е и мени и теби.
„Но мой тасте, старацъ Юг-Богдане!
„Мыслишъ ли ме мртва пожалити,
„Пожали ме, докъ самь у животу.
„Молимъ ти се и любимъ ти руку,
„Да дашъ мене деце деветоро,
„Децу твою, а шуреве мое,

„Да я, тасте, у Косово поћемъ,
„Да потражимъ душманина мога,
„А царева грдна кавнина,
„Кои ми е роблѣ заробіо;
„А немой се, тасте, препанути,
„Ни за твою децу убринути;
„Я ћу децы, моимъ шуревима,
„Оћу ньима ру'о промените,
„А у турско ру'е облачити:
„Око главе біеле кауке,
„А на плећи зелене доламе,
„А на ноге меневишъ чакшире,
„О поясу саблѣ пламените;
„Призват' слуге и каза'ћу юнакъ,
„Нека слуге коня оседлаю,
„Оседлаю, тврдо опасую,
„Нек' пригрћу мркимъ мећединам'.
„Учини'ћу децу яньичаре;
„Я ћу децу шуре сѣтовати,
„Каде са мномъ буду крозъ Косово,
„А крозъ войску цара на Косову,
„Предъ нъима ћу быти делибаша,
„Нек' се стиде и нек' се препадну,
„Нек' се свога бое старешине;
„Когодъ стане у царевой войсцы,
„Когодъ стане съ нама говорити,
„Стане турски, окрене мановски,
„Я съ Турцима могу проговорит',
„Могу турски, а могу мановски,

„И арабскій езыкъ разуміемъ,
„И на крпат' ситно арнаутски;
„Проводиђу децу кроз Косово,
„Сву ћу войску турску уводити,
„Докъ я нађемъ душманина мога,
„А Турчина силна Вла'-Алію,
„Кои ми е робле поробіо;
„Нек' шурери буду у девольи,
„Еръ самъ, тасте, могу погинути,
„Кодъ шурева нећу погинути,
„Яли ране лако довануди."
Кадъ то зачу старый Юг-Богдане,
Плану Юже, како оганъ живый.
Страинь-бану зету проговара:
„Страинь-бане, ты мой зете милый,
„Видо ютросъ, да памети немашъ,
„Што ми деце иштешъ деветоро,
„Да ми децу водишъ у Косово,
„У Косово, да іи коле Турцы.
„Немой, зете, више проговарат',
„Недамъ деце водит' у Косово,
„Макаръ кћери никадъ невидіо."
Плану бане како оганъ живый,
У іеду и той муцы лютой
Нехте викнут' ни призвати слугу,
За сеиза ни хабера нема,
Но самъ оде ђогу у ахаре,
Я како га баце оседлао!
Како ли га тврдо опасао!

Па заузда ђеномъ одъ челика,
Предъ дворе га води у авлію
Къ биніеташу біелу камену,
Па се ђогу бацы на рамена.
Погледуе деветъ свои шура,
А шуреви у земльицу црну.
Банъ погледну пашенога свога,
Некаквога млада Неманьића,
А Неманьићъ гледа у земльицу.
Кадъ пія'у вино и ракію,
Сви се фале за добре юнаке,
Фале с' зету и Богомъ се куну:
„Волимо те, Страиниђу бане,
„Но сву землю нашу царевину!“
Ал' да видишъ яда на невольи!
Бану ютросъ нема пріятеля:
Ніе лако у Косово пољи.
Виде бане, гди му друга нема,
Самъ отиде полѣмъ Крушевачкимъ.
Я кадъ быю низъ широко полѣ,
Обзире се на Крушевцу бѣлу,
Неће ли се шуре присетити,
Неће ли се ньима разжалити;
А кадъ виде ютросъ на невольи
Гди му нема главна пріятеля,
Паде на умъ, па се досетіо
За нѣгова хрта Карамана,
Кога воли него добра ђога,
Те привикну изъ біела грла,

Остало е хртче у ахару.
Зачу гласа, 'итро потрчало,
Докъ у полю пристиже ђогина,
Покрай ђога хртче подскакуе,
А златанъ му литаръ позвекуе.
Мило быле, разговори с' бане.
Оде бане на коню ђогину,
Те пріеђе пола и планине.
Я кадъ дође у полѣ Косово,
Кадъ сагледа по Косову силу,
Ал' се бане мало препануо,
Па помену Бога истинога,
У ордію турску угазіо.
Иде бане по полю Косову,
Иде бане на четири стране',
Тражи бане силна Вла'-Алію,
Ал' неможе бане да га нађе.
Спусти с' бане ка води Ситницы,
На едно е чудо нагазіо:
На обали до воде Ситнице
Еданъ зеленъ ту біяше шаторъ,
Широкъ шаторъ полѣ притиснуо,
На шатору одъ злата ябука,
Она сія, као ярко сунце:
Предъ шаторомъ побіено коплѣ,
А за коплѣ вранацъ коньицъ свезанъ,
На глави му ма'а стамболія,
Біе ногомъ и десномъ и левомъ.
Кадъ то виде Страинићу бане,

Проесани и умомъ премысли,
Башъ е шаторъ силна Вла'-Аліе,
Те ђогина коня пригодяше,
Коплѣ юнакъ скиде са ранена,
Те шатору врата отворіо,
А да видишъ, ко е подъ шаторомъ!
Не біяше силанъ Вла'-Алія,
Но біяше едань старый дервишъ,
Біела му прошла поясъ брада,
Съ ньиме нема нитко подъ шаторомъ,
Бекрія е тай несреѣанъ дервишъ,
Піе Турчинъ вино кондіеромъ,
Но самъ ліе, но самъ чашу піе,
Крвавъ дервишъ бяше до очію.
Кадъ га виде Страинићу бане,
Те му селамъ турскій називаше.
Піанъ дервишъ окомъ разгледаше,
Па му мучну ріечь проговара:
„Да си здраво! дели Страин-бане,
„Одъ малене Баньеке край Косова.“
Плану бане, препадесе лето,
Те дервишу турски одговара:
„Бре дервишу! несреѣна ти майка!
„Радшта піешъ, радшта се опіяшъ?
„Те у пићу грдно проговарашъ,
„И Турчина зовешъ кауриномъ.
„Шта поминѣшъ некаквога бана?
„Ове ніе Страинићу бане,
„Но я есамь царевый делія.

„Єдецы се царски покидаше,
„У ордію турску побегоше,
„Све деліи 'итро потрчаше,
„Да ідеће цару поватамо.
„Ако кажемъ цару ил' везиру,
„Кою си ми ріечь беседіо,
„'Оћешъ, старый, ида допанути."
Гро'отомъ се дервишъ осмену:
„Ты деліо, Страинићу бане!
„Знашъ ли, бане, не знали те яди!
„Да самь саде на Голеч-планини,
„Да те видимъ у царевой войсцы,
„Познао бы тебе и ђогина,
„И твоега 'рти Карамана,
„Кога волишъ, него добра ђога.
„Знашъ ли, бане, одъ малене Ваньеке!
„Познаемъ ти чело какво ти е,
„И подъ челомъ очи обадвіе,
„И познаемъ оба мрка брка.
„Знашъ ли, бане? не знало те чудо!
„Кадъ западо робства у віеку,
„Пандури ме твои у'итише
„У Су'ари вр'у на планини,
„У руке ме твое додадоше,
„Ты ме бацы на дно одъ тамнице,
„Те робова' и тамницу трпљ',
„И зачама' за деветъ година,
„Деветь прође, а стиже десета,
„А теби се, бане, разжалило,

„Те ты зовну Рада тамничара,
„Твой тамничаръ на тамничка врата,
„Изведе ме къ теби у авлію.
„Знашъ ли, бане? Знашъ ли Страиниħу?
„Кадъ запыта и мене упыта:
„„Робче мое, змию одъ Турана!
„„Гди пропаде у тамницы моіой!
„„Мож' ли с', робе, юнакъ одкупити?""
„Ты ме пыташъ, я право казуемъ:
„„Могао бы животъ одкупити!
„„Текъ да ми се двора доватити,
„„Отчевине и пакъ постойбине;
„„Имао самь нешто мало блага,
„„Многе лаве и многе тимаре,
„„Могао бы одкупъ саставити;
„„Ал' ми, бане, веровати неħешъ,
„„Да ме пустишъ двору біеломе.
„„Тврда ħу ти ямца оставити,
„„Тврда ямца, Бога истинога,
„„Друга ямца, Бож'ю веру тврду,
„„Како ħу ти одкупъ доніети.""
„И ты, бане, поверова мени,
„И пусти ме двору біеломе,
„Отчевини и той постойбини;
„А кадъ дођо грдной постойбини!
„У дворове, постойбину мою,
„У дворове куга ударила,
„Поморила и мушко и женско,
„На оџаку нико не остао,

„Но ти мои двори пропануди,
„Пропануди, па су опануди,
„Изъ дувара вовке прониккуле;
„Што су были лави и тимери,
„Поягмили Турцы на мирасе;
„Кадъ я видо дворе затворене;
„Неста блага, неста пріятеля.
„Нешто мысли, па на едно смысли;
„Мезилоки се я довати коня,
„Те отидо граду Едренету,
„Одо къ цару и одо къ везиру,
„Виде везиръ, па докаже цару,
„Я какавъ самъ юнакъ одъ мегдана;
„Одену ме царевый везире,
„Одену ме и шаторъ ми даде;
„Царъ ми даде одъ мегдана вранца,
„И даде ми свіетло оруже,
„Подписа ме царевый везире,
„Да самъ войникъ цару довіека.
„А ты, бане, данасъ къ мени дође;
„да ты узмешъ твое дугованѣ,
„А я, бане, ни динара немамъ.
„Страинићу, яда допануо!
„Гди ты дође, да погинешъ лудо
„У Косову у войсцы царевой!“
Виде бане, познаде дервиша,
Одъ ђогата коня одседаше,
Пакъ загрли старища дервиша,
„Богомъ брате, старишу дервишу!

„На поклонъ ти мое дугованѣ!
„Я не-тражимъ, брате, ни динара,
„Ни я тражимъ твое дугованѣ,
„Но я тражимъ силна Вла'-Алію,
„Кои ми е дворе растурio,
„Кои ми е любу заробio.
„Кажи мени, старишу дервишу,
„Кажи мени мога душманина!
„Братимимъ те и юште еданпутъ,
„Немой мене войсцы проказати,
„Да ме войска турска не обколи.“
Но се дервишъ Богомъ преклиняше:
„Ты соколе, Страинићу бане!
„Тврђа ми е вера одъ камена,
„Да ћешъ саде саблю повадити,
„Да ћешъ пола войске погубити,
„Невере ти учинити нећу,
„Ни твоега леба погазити;
„И ако самь быо у тамницы,
„Доста си ме виномъ напоio,
„Біеліемъ лебомъ нараніо,
„А често се еунца огреяо,
„Пуштio си мене вересiомъ,
„Не издадо ни додадо теби,
„Не сверова, ели нема одкудъ;
„Одъ мене се немой побояти.
„А што пыташъ и разбирашъ, бане,
„За Турчина силна Вла-Алію,
„Онъ 'е бео шаторъ разапео

„На Голечу высокой планини;
„Текъ ти оћу, бане, проговорит':
„Јпи ђога, бежи изъ Косова,
„Ѥръ ћешъ бане погинути лудо.
„У себе се поуздати немой,
„Ни у руку, ни у бритку саблю,
„Ни у твое коплѣ отровано.
„Турчину ћешъ на планину доћи,
„Оћешъ доћи, ал' ћешъ грдно проћи:
„Кодъ оруж'я и кодъ коня твога,
„У руке ће-т' жива уватити,
„Оће твое саломити руке,
„Живу ће ти очи извадити.“
Насмея се Страинићу бане:
„Богомъ брате, старишу дервишу!
„Не жали ме, брате, одъ еднога,
„Текъ ме войсцы турской не прокажи.“
А Турчинъ му рiечь проговара:
„Чуешъ ли ме, дели Страин-бане!
„Тврђа ми е вѣра одъ камена.
„Да ћешъ саде ђога налютити,
„Да ћешъ саде саблю повадити,
„Да ћешъ сатрт' пола цару войске,
„Невере ти учинити нећу,
„Ни Турцима проказати тебе.“
Збори бане, па подрани одтленъ,
Обраћа се са коня ђогина:
„О мой брате, старишу дервишу!
„Поишъ коня ютромъ и вечеромъ,

„Поишъ коня на води Ситницы,
„Ну увеџбай и право ми кажи,
„Гди су броди на той води ладной,
„Да я мога коня не углибимъ?“
А дервишъ му право одговара:
„Страин-бане, ты соколе србскій!
„Твоме ђогу и твоме юначству
„Свуд' су броди, гдигодъ дођешъ води.“
Банъ удари, воду пребродіо,
И прими се на коню ђогину,
Прими с' бане уз̂ъ Голечъ планину.
Онъ е одздо, а сунашце одзго,
Те огрея све полѣ Косово,
И обася сву цареву войску.
Ал' да видишъ силна Вла-Аліе!
У Турчина грданъ хадетъ б'еше:
Ћаилъ свакій заспат' на уранку,
На уранку, кадъ огрѣва сунце;
Очи склопи, те борави санакъ.
Колико е нѣму мила быля
Та робиня люба Страинова,
Пануо іой главомъ на кріоце.
Она држи силна Вла-Алію,
Па чадору отворила врата,
Она гледа у полѣ Косово,
Те ти турску силу разгледуе,
Прегледуе, какви су шатори,
Прегледуе конѣ и юнаке.
За ядъ іой се очи одкинуше,

Те погледну низъ Голечъ планину,
Виде окомъ коня и юнака.
Како виде и окомъ разгледа,
Турчина е дланомъ ошинула,
Ошину га по десномъ образу,
Ошину га, па му проговара:
„Господаре, силанъ Вла-Алія!
„Ну се дигни, главу недигао!
„Ну опасуй мукадем-пояса,
„И припасуй оружіе свѣтло,
„Ето къ нама Страинића бана,
„Садъ ће твою главу укинути,
„Садъ ће мени очи извадити.“
Плану Турчинъ, како оганъ живый,
Плану Турчинъ и окомъ погледну,
Па се Турчинъ гротомъ насмеяо:
„Душо моя, Страинова любо!
„Чудно ли те влашче препануло!
„Одъ нѣга си ђаса задобила,
„Кадъ т' одведемъ граду Єдренету,
„Банъ ће ти се и онде призират'.
„Оно ніе Страинићу бане,
„Већъ е оно царевъ делибаша,
„Къ мени га е царе оправіо,
„Или царе ил' Мемедъ везире,
„Да ме царе зове на предаю,
„Да я войску цару нерастурамъ;
„Препали се цареви везири
„Да имъ почемъ саблю неударимъ;

„Но да можешъ окомъ погледати,
„Ты се, душо, немой препанути,
„Кадъ потегнемъ мою бритку саблю,
„Те ошинемъ цар'ва делибашу,
„Нека другогъ већъ не шилѣ къ мени.“
Страинова проговара люба:
„Господаре, силанъ Вла-Алія!
„Та л' не видишъ? испале ти очи!
„Оно ніе царевый делія,
„Мой господаръ, Страинићу бане,
„Я познаемъ чело какво му е,
„И подъ челомъ очи обадвіе,
„И нѣгова оба мрка брка,
„И подъ ньиме пулата ђогата,
„И жутога хрта Карамана;
„Не-шали се главомъ господару!“
Я кадъ зачу Туре Вла-Алія,
Како ли се Туре придрнуло,
Те подскочи на лагане ноге,
Опасуе мукадем-пояса
А циняле оштре за пояса,
И ту бритку саблю припасуе,
А све врана коня погледуе.
У то доба бане пристасао,
Мударъ бане, пакъ е изштетіо:
На ютру му не зва добро ютро,
Нити турскій селамъ називаше,
Но му грдну ріечь проговара:
„А ту ли си? еданъ копилане!

„Копилане, царевъ хаинине!
„Чіе ли си дворе попаліо,
„Чіе ли си роблѣ поробіо? —
„Излази ми па мегданъ юначкій!“
Скочи Турчинъ, ка' да се придрну,
Єдномъ крочи, до коня докрочи,
Другомъ крочи, коня пояхао,
Притегну му обадва дивгена.
Ал' не чека Страинићу бане,
Но на нѣга ђога нагоняше,
Па на нѣга бойно коплѣ пусти.
Удари се юнакъ на юнака,
Пружи руке силанъ Вла-Алія,
У руку му коплѣ уватіо,
Па ти бану річь проговара:
„Копилане, Страинићу бане!
„А шта ли си, влашче, премыслило?
„Нису ово бабе шумадиске,
„Да разгонишъ и да набрекуешъ,
„Но е ово силанъ Вла-Алія,
„Што с' не бои цара ни везира,
„Што-й у цара войске државине,
„Чини ми се сва царева войска,
„Као мрави по зеленой трави;
„А ты, море! мегданъ да дѣлишъ!“
То му рече, бойно коплѣ пусти.
Одъ прве га обранити хтеде,
Богъ поможе Страинићу бану,
Има ђога коня одъ мегдана,

Како коплѣ на планини звизну,
Соко ђого паде на колена,
Изнадъ нѣга коплѣ прелетило,
Ударило о каменъ студеный,
На трое се коплѣ саломило,
До ябуке и до десне руке.
Докъ сатрше она копля бойна,
Потегоше перне буздоване:
Кадъ удара силанъ Вла-Алія,
Кадъ удара Страннића бана,
Изъ седла га коню изгоняше,
А на уши ђогу нагоняше.
Богъ поможе Странићу бану,
Има ђога коня одъ мегдана,
Што га данасъ у Србина нема,
У Србина, нити у Турчина;
Увмауе и главомъ и снагомъ,
Те у седло баца господара.
Кадъ удара Страннићу бане,
Мучну алу силна Вла-Алію,
Изъ седла га маћи не могаше,
Тону вранцу коню до колена
У земльицу ноге све четири.
Буздоване перне поломише,
Поломише и пера просуше,
Па су бритке саблѣ повадили,
Да юначкій мегданъ подіеле.
Но да видишъ Страннића бана!
Кажу има саблю о поясу:

Ковала су саблю два ковача,
Два ковача и три помагача,
Одъ неделѣ опетъ до неделѣ,
Одъ челика саблю претопили,
У острицу саблю угодили.
Турчинъману, а дочека бане,
На саблю му саблю дочекао,
По поли му саблю пресекао.
Виде бане, па се разрадова,
Люто сави и одтудъ и одтудъ,
Еда бы му главу одсекао,
Ил' Турчину руке обраніо.
Удари се юнакъ на юнака.
Неда Турчинъ главу укинути,
Неда свое руке изштетити,
Но се брани съ ономъ половиномъ,
Половину на вратъ натураше,
И своега врата заклоняше,
И банову саблю оштрбкуе,
Све одкида по коматъ и коматъ.
Обадвіе саблѣ изсекоше,
До балчака саблѣ догонише,
Побацише ньине одломчине,
Одъ хитріе коня одскочише,
За бѣла се грла доватише,
Те се двіе але поніеше,
На Голечу на равной планини;
Носише се летный данъ до подне,
Докъ Турчина пене попануше,

Бѣле пене како горскій снієгъ,
Страин-бана бѣле па крваве,
Изкрвави низъ прси хальине,
Изкрвави чизме обадвіє
А кадъ бану мука досадила,
Тада бане ріечь проговара:
„Любо моя, тебе Богъ убіо!
„Кое яде гледашъ на планини?
„Но ты подби єданъ коматъ саблѣ,
„Удри, любо, мене, ил' Турчина,
„Мысли, любо, кога теби драго.“
Али Турчинъ люто проговара:
„Душо моя, Страинова любо!
„Немой мене, но удри Страина.
„Нигда нѣму мила быти нећешъ,
„Већъ прекорна быти довієка,
Кори'ће те ютромъ и вечеромъ;
„Мени мила быти до вієка,
„Одвест'ћу те Єдренету граду,
„Наређи'ћу тридесть слушкиньица,
„Нек' ти држе скуте и рукаве,
„Ранићу те медомъ и шећеромъ,
„Окитити тебе дукатима
„Савръ главе до зелене траве;
„Удри саде Страинића бана!“
Женску страну ласно преварити:
Лако скочи, ка' да се помами,
Она нађе єданъ коматъ саблѣ,
Зави коматъ у везеный яглукъ,

Да іой бѣлу руку не обрани,
Па облеће и одтудъ и одтудъ,
Чува главу Турчин-Вла-Аліє,
А ошину господара свога,
Господара Страиниħа бана
Повръ главе по чекрк-челенцы,
И по нѣг'ву біелу кауку,
Пресече му златали челенку,
И пресече біела каука,
Мало рани главу на юнаку,
Поли крвца низъ юначко лице,
Хтеде залит' очи обадвіе.
Препаде се Страиниħу бане,
Гди погибе лудо и безумно,
А нешто се бане домысліо,
Викну бане изъ бѣлога грла
Некаквога хрта Карамана,
Што е хртче на ловъ научіо,
Викну бане и опетъ привикну,
Скочи хртче и одма дотрча,
Те банову любу доватило;
Ал' е женска страна страшльивица,
Страшльивица свака одъ пасчади;
Бацы команъ у зелену траву,
Люто врисну, далеко се чуе,
Жута хрта за уши подбила,
Те се съ ньиме колѣ низъ планину,
А Турчину очи испадоше,
Колико му нешто жао бѣше,

Те онъ гледа, што се чини съ ньоме;
Али бану друга снага дође,
Друга снага и срдце юначко,
Те оману тамо и овамо,
Докъ Турчина съ ногу укинуо.
Колико се бане уостріо,
Онъ нетражи ништа одъ оруж'я,
Но му грломъ бане запиняше,
А подъ грло зубомъ доваташе,
Закла нѣга како вуче ягнѣ.
Скочи бане, па изъ грла викну,
Те набрекну оногъ хрта жута,
Докле свою курталиса любу.
Запе люба бѣжат' низъ планину,
Она хтеде бѣжат' у Турака,
Не даде іой Страиниђу бане,
За десну е руку ухитіо,
Приведе е къ пуляту ђогату,
Па се ђогу бацы на рамена,
Тури любу за се на ђогина,
Па побѣже бане упріеко,
Упріеко, али попріеко,
Одклони се одъ те силе турске,
Те долази у равна Крушевца,
У Крушевацъ, у тастбину свою.
Виде нѣга старацъ Юг-Богдане,
А срете га деветъ милы шура,
Руке шире, у лица се любе,
За лако се упыташе здравлѣ.

А кадъ виде старый Юг-Богдане
Обранѣна зета и челенку,
Просу сузе низъ господско лице:
„Весела ти наша царевина!
„Међеръ има у цара Турана,
„Међеръ има силніе юнака,
„Кои зета обранише мога,
„Кога данасъ у далеко нема.“
Шуреви се нѣму препадоше.
Проговара Страинићу бане:
„Немой ми се, тасте, раскарати,
„Ни вы, мое шуре, препанути;
„У цара се не наће юнака,
„Да дохака мене и обрани.
„Да ви кажемъ, ко ме обраніо,
„Одъ кога самь ране допануо:
„Кадъ діели мегданъ са Турчиномъ,
„О мой тасте, старый Юг-Богдане!
„Онда мене люба обранила,
„Люба моя, мила ћерка твоя,
„Нехте мени, поможе Турчину.“
Плану Юже, како огань живый,
Викну Юже деце деветоре,
„Повадите ноже деветоре,
„На комате кую изкидайте.“
Силна дѣца баба послушаше,
Те на свою сестру кидисаше,
Ал' е неда Страинићу бане,
Шуревима ріечь говораше:

„Шуре мое, деветъ Юговића!
„Што се, браћо, данасъ обрукасте?
„На кога сте ноже потргнули?
„Кадъ сте, браћо, вы такви юнацы,
„Камо ножи, камо ваше саблѣ,
„Те не бысте са мномъ на Косову,
„Да чините съ Турцыма юначство,
„Десите се мени у невольи?
„Недамъ вашу сестру поарчити,
„Безъ васъ бы е могао стопити,
„Ал' ћу стопит' сву тастбину мою,
„Немамъ съ киме ладно пити вино;
„Но самь люби моіой поклоніо.“
Помало е таквіе юнака,
К'о што бѣше Страинићу бане.

ПЕТРА ПЕТРОВИЋА ЊЕГОША,

Владыке црногорскогъ.

САБЛЬИ БЕЗСМРТНОГА ВОЖДА КАРА-ЂОРЂА.

Оружѣ свештено, вѣнчано еа славомъ!
Съ каквіемъ восторгомъ тебе данасъ виђу,
Каква ли ми чувства душу потресую —
Плачући те славимъ, съ уздисанѣмъ гледамъ
Кадъ ми на умъ дођу твоя дѣла страшна;
Кадъ си у рукама вожда и витеза
Кровъ полкове густе Тирана люцкога
Сіевала страшно, и крвлю сѐ мила —
Подижући Србство, круну му иштући.
Ты си властовала на равнинамъ бойнимъ;
Предъ тобомъ е Стамболъ бичъ народахъ дрхта;
Одъ твоега звека и моћна удара
Тресла се е луна премрска планета;
Ты светиньо наша одъ Србскогъ триумфа
Вѣчно ћешъ ми быти знакомъ споминяня
Великіехъ дѣлахъ Отца отечества;
Я ћу тебе хранит' како киту прву
Одъ невехлог' вѣнца рода избавника.

ІОВАНА С. ПОПОВИЋА.

I.

ДАВОРЪ НА ПОЛЮ КОСОВУ.

1.

Гди е Призренъ славный градъ,
Гди су царски двори?
Гди Душановъ златный векъ,
Што чудеса створи.
Све прогута Косово,
Оде србска слава,
Гди су били градови
Сада расте трава.
Косово црно полѣ, ты Срба друже неверный,
Кому цветомъ цветашъ, комъ ли се ресишъ тако.
Весномъ суво твое променюешъ лице печално,
Ал' прескорбне споменъ беде променит' не знашъ;
Жаромъ реке твое засушую образе влажне,
Потоке суза наши тко ће осушит' игда?
О кончићу златоткономъ
Обрће се коло среће,
Животъ човекъ свой подмеће,
Да задржи срећу за се.

Ал' средъ раада и гордынѣ
Иде беда изъ ненада,
И невольомъ данась страда,
Што е ючеръ силно было.

2.

Гди су оне побѣде,
Гди тріумфи сяйни,
Када србски цареви
Воеваше славни.
У пѣснама пѣваца
Гласъ имъ само трае,
Да потомку веѣу скорбь
И тугу задае.
Ситницо ладна водо, кудъ одоше струе ти ясне,
Кое друга среѣе, Неманѣ гледаше бой?
Ситницо тужна водо, комъ предаде крваве струе,
Кадъ се борцы наши даше за народъ на смрть.
Крваво лице твое испира росната весна,
Крвава срдца нашегъ тко ѣе изапрати болъ?
Као живота мутне струе
Мала река токъ разлива
Путуюѣи веѣа быва
Туђимъ падомъ, туђомъ штетомъ.
И кадъ букне, кадъ нарасте,
Гробъ іой синый море справля;
Тако судба на задъ ставля;
Што се ючеръ узвысило.

3.

Куд се тужно враћа духъ
У векове дальне,
И разсматра спомене
Величиномъ славне?
Лепо сунце сіяше,
Мракъ ал' брзо дође,
Златно време Србаля
Грану, бы, и прође.
„Иди“ рекне срећа своотважномъ Дечанскога сыну,
И онъ брзомъ рукомъ бойный припасуе мачъ.
Покори народе многе и дальне, крепости сбриса,
Самъ гордый Цариградъ трепетно нѣга чека.
Шта той крати сили обалити куле Византа?
На средъ пута славе завидна срета га смрть.
Діаволи, Діаволи,
Отровито село мало,
Проклетство ти име дало,
Да те Србинъ съ тугомъ чита.
Коегъ сяйность едва грдный
Кругъ могаше сместит' света,
Томе светлость бы узета
Твоимъ яде худымъ мракомъ.

4.

Плач'те србски сынови,
Ваша звезда славна

Са зрѣника изчезе
Жалостна и тавна.
Тко ће Србство дизати,
Кадъ царъ Душанъ пада,
Место прве сяйности
Страсть и порокъ влада.
Холмъ никодимскій маленъ, шта тужи крвавый холмъ тай,
Руку на млада цара овде убица диже.
Неродимля пуче коварствомъ потрешена грднымъ,
И надъ тѣломъ сузе Косово горке рони.
Кам' садъ неманьинъ домъ, обиланъ породойъ славнымъ?
Са младимъ Урошемъ давно у гробу труне.
Худа душо Вукашина
Како си се онда вила,
Кадъ те царска штедра сила
У колиби нађе низкой.
Ал' е гладню властолюбѣ,
Као ждерльиво зія море,
Текъ што пође холость горе.
Врнути се натрагъ не зна.

5.

Круну носи Вукашинъ
Великъ, гордъ и славанъ.
У свой силной Србіи
Нико нѣму раванъ.
Колко трае задуго
Ова слава клета?

Мыслишъ више векова?
Ни три пуна лѣта.
„Гледай сяйный грбъ“ возмездіе Николи шапће,
Срећно Немањића украси нѣга племе.
Дркће Арсоевићъ, Вукашина злобце убія,
Слуга слугу негда, садъ по неверству цара.
Тужи л' за њиме ткогодь? сва Србія тужно запева,
Што с' на обшту пропасть худый убица роди.
При подножю смртне реке
Расте грехомъ започето,
И отето веть проклето,
И потомку труе срећу.
Кудъ се грешно човекъ сили,
Кадъ су кратки наши дани,
Тек' што поће да се стани,
Побеже ти санакъ среће.

6.

Тамна нoћи поноћна,
Грозно ти е лице,
Кадъ те бѣси нападну
Олуе убице.
Тамна нoћи тамцата,
Люћи бѣху часи,
Када поће Србія
Бѣдна да с' угаси.
Црно се шири ято као гладны кобаца облакъ,
Дивльій смрадно нѣга Азіе изврже край.

Пуше се веси за њиме, не штеди се трава ни глава,
На далеко предъ њимъ предѣли дркћу одъ стра.
Породъ бесноћe и зала кудъ пружа нокте отровне?
Твое, Косово, та притисну беда подъ.

Бура дрма небо, землю,
Да воздушну стресе шкоду,
Напасть шилѣ Богъ народу,
Да отложи греxe шкодне.
Ал' е юродъ наше срдце,
Заборавля лако тугу,
И неволѣ строе другу
Несмыслене буйне ћуди.

7.

Бедомъ стенѣ Косово,
Єръ Турчинъ наступи,
Землю трепетъ обузе,
Лазаръ войску купи.
Гди сте сада побѣдни
Душана юнацы?
Но веħи су навѣти
Нег' юнаштва знацы.

Невера? цыкну Милошъ, и Косово дркће одъ страха,
(Неверу тайно носи црный у прсима Вукъ).
Вата се крылата Ждрала, юнаку се душмани диве,
И Муратъ подъ рукомъ Србина душу блюе.
Плашно с' разлива вика, у табору буна и туга.
Да л' ће ползе овай Србству донети трепетъ!

Кадъ се съ брега закотрля
Тко ће стену задржати?
Тко ће судби на путъ стати
Што е рекла да не буде?
Точакъ среће колеба се,
Ломна нѣму прште крыла,
Србска войска пребледила
Поражена судбе хукомъ.

8.

Сяйно сунце пламено
Како с' онда было,
Кад е облакъ штитова
Твое лице скрило.
Єсу л' были срдчани
Србаля юнацы;
Єсу л' стали душмани
Буйни и опацы?
Косово крвца поли, у крви се валяю мртцы,
Широмъ Марсова смрть по полю равну бесни.
Турска коварна сила о мишцу се србску разбія,
И брза у помоћь побѣда Србу трчи.
Шта томъ крати юначству угушити Азіе хидру?
Навѣтъ неверо твой землю у црно зави.
Кадъ се яви Вукъ у гори,
Мирно стадо чека вреда,
Плави народъ србскій беда,
Кадъ у земльи Вукъ се яви.

Одъ Вулкана име клето
Србской земльи поста знано,
Црны дѣлы жигосано,
Да с' потомство нѣга грози.

9.

Весна пуста неслого,
Кѣери адске зміе,
Гди бы знала живити
Да Србина ніе.
Чедо страстій несреѣо,
Брза у слепоѣи,
Кадъ Србина нестане
Комъ ѣешъ онда поѣи.

* * *

Одите сѣтни потомцы, справляйте майци опело,
Снажна бывша негда Србія мртва лежи.
Народъ безъ свести стенѣ, еръ страсти е трзаю мртву,
И слепоѣа духа црный іой ископа гробъ.
Гди е Србіе гробъ, е л' Косово, Марица, Прилипъ?
Ахъ, сва бѣдна земля обштый плачевный е гробъ.
Србскій роде; не пренидай
Грозне сузе проливати,
Мртва лежи твоя мати
Твоя слава, твоя дика.

Црны слова неизгладны
На гробу іой надписъ режи:
„Овде Србства майка лежи
Одъ синова убіена.“

10.

Тугомъ тужи Косово,
Кадъ зима наступи,
Кадъ му лице ружично
Бритка слана сруби.
Сѣтно полѣ Косово!
Доћиће ти цвеће;
Ал' цветъ наше сяйности
Нигда више неће.
Брзомъ вѣчна ногомъ окреће се природа вѣчно,
Плодну зима есень пролеће зиму прати.
Дете постае мужъ, у мужеству явля се слабость,
Крѣпкій, столѣтный расть къ трулежу наклонъ носи.
Тако падаю люди и царства снажна и важна,
Тако Атина и Римъ давно забвене леже.
Кой быяше богатъ, славанъ,
Царъ премудрый виче сѣтно,
Да е овде све суетно,
Да еташта людска слава.
Ал' е плахо наше срдце
И лакоме очи света;
Вопіюћи „све сустa“
За суетомъ тумарано.

11.

Єсу л' само градови,
Є ли царство пало,
Є л' Косово остало
Убого и мало?
Ахъ, што ума плодови
По праху се влаче,
Што имъ трага нестаде,
Зато муза плаче.
Средъ оружя Душанъ на сабору законе дае,
Появу ненадномъ целый удиви се светъ.
Сѣверъ и запада край юнака преузноси срећу,
У накрстъ Душана закони мудри славе с'.
Живи л' законикъ овай? о, люта нарока света!
Законодавца црвъ, законе мольцы еду.

* * *

Гди су они Данійлови
Неоцѣнини рукописи?
Гди остали лѣтописи,
Вѣстительи србски дѣла.
Кой прогута саму славу
И вѣстнике мракъ уништи,
Да остану сасвимъ ништи,
Тако Србству судба рече.

12.

Цркве наши зидаше
Велике и красне

Да у земльи блистаю
Кано звезде ясне.
Гди су сада цркве те,
Да л' остаде една
Одъ варварска напада
Цела, неповредна?
Жичо, седмовратна Жичо, чуварнице царскога венца,
Бывша сяйна, сада слепы мышева си станъ.
Залуд' старый Ипекъ обнавля се Душана словомъ,
И грчкой суети холо првенство не да.
Гди е пѣваца ликъ изводіо дивне стіхире,
Гди е светліо крсть, оце урличу сада.

* * *

Хоћешъ вѣчне задушбине?
У прсима цркву зидай,
И са желя похоть скидай,
И утврди срдце чисто.
Шта помажу съ поля блести,
Кадъ су мысли пуне зала;
Утѣха е души мала,
Гди благиню жертва вара.

13.

Кадъ растови падаю,
Шта е трсть и трава,
Када царства нестаю,
Шта е наша слава.

Седамъ дивны чудеса
Плоде старогъ века
Све прогута времена
Брзотечна река.
Слушай грлице гласъ, на Косову гуче печално,
Плачно вижлявый косъ туги с' одзыва твојей;
Нѣжный птичице гласъ за мртвымъ уздише другомъ,
Ахъ и у песми своју сама оплакуе смрть.
Тако створенѣ свако у собственой невольи рида,
Тако на лицу землѣ само е туга и плачъ.
О сувте и суетства
И несталне игре света,
Брза су намъ кратка лѣта,
Іоштъ е брже коло среће.
Шта косовску оплакуешь
Петстолѣтну грозну штету?
Беда влада свудъ на свету,
И ударъ е судбе близу.

14.

Пыташъ, гди су градови,
Гди су царства многа,
Кудъ толике престоле
Судба сврже строга;
Пытай болѣ, гди е миръ,
Гди е срећа стална,
Гди не стиже несрећа
Бледа и печална.

Беда у пустиньи, беда у граду, у стану и веси,
Беда гняви свакій простране предѣлъ землѣ.
Злато и свила покрыва пресн печалне и болне,
Исподъ осмея скорбь брижльиво дави срдце;
Радости редке каплѣ у горчини чезну обилной,
Кратке весеая часе стогуба напасть прати.

* * *

Кадъ озбильна смрть наступи,
Зашто плачешь о човече,
Заръ су буре морске преч́е,
Нег' безбрижанъ миръ у земльи.
Слава, сила и богатство
Променльивъ е образъ мрака,
И гординя тае свака,
И остае вѣчно — ништа.

II.

РАСПРА ЛЮБОВИ.

Приликомъ бракосочетанія Нѣговогъ ц. к. Величества,
Франца Іосифа првогъ.

Кадъ кроткомъ Титу, човечества сласти,
Справляше венацъ усхићеный светъ,
Грація брачна и народа любовь
Борби се даду: чій е лепшій цветъ...

„Лепъ е тренутакъ, где два срдца нѣжна
Чувства у еданъ споявају стасъ“
„„Лепша е любовь, где сва срдца широмъ
Єдноме дижу благодарно гласъ““

„Као што се звезде купе око луне,
Састій е брачны тако дивный хоръ“
„„Као што планете светлость сунца буди,
Народа любовь диже благотворъ.““

„Знашъ ли што лепше одъ руже, кадъ цвета?
Брачны милина то е руковеть“
„„Ал' када срећа міліона цвета,
Свакій се другій овомъ кланя цветъ.““

„Народна срећа! да л' пукъ ову свађа?
Криве монарха предузетакъ благъ;
Тадъ се са тугомъ брачной любви враћа,
Ньой е до гроба непремѣно драгъ“

„„Народа любовь выше гроба стои,
Сбрисати ову кой е кадаръ мракъ?
Храми су нѣму отечество вѣчни;
Нема отчизне кратколюбный бракъ““

„Нема отчизне, велишъ, любовь брачна,
Ньой е връ целый отечество светъ
Сладости носи свомъ любимцу съ неба“
„„Народъ пакъ носи безсмртія цветъ.““

Станте са борбомъ две дивне милине!
Обе е красанъ ваши свойства чаръ
Ал' се првенствомъ само онай дичи,
Кой такве любве заслужуе даръ.

СЕВАСТІАНА ИЛИЋА,

Архимандрита.

I.

КЪ МОМЕ ЦАРУ.

на данъ
Нѣговогъ спасенія.

„Богъ на небу, царъ на земльи;“
Тако Србинъ каже,
Докле бди да утемельи,
Што с' съ блаженствомъ слаже.

Онъ у силу, и премудрость,
И богатство свое
Не узда се; већъ у штедрость
Неба, кадъ ю пое.

Онъ признае вышнѣ быћѣ, —
Свемогућу силу,
Коіомъ тварма животъ свиће
Въ благодатномъ крылу.

Да, там' исповѣда Бога,
А овдѣ и цара,
Па, држећ' се реда свога,
За себе се стара.

Помоћи с' одъ Оногъ нада,
Оба срдцемъ люби;
Єръ да царемъ овдѣ влада
Богъ, писмо намъ труби.

Ако л' є кадъ да и страда,
Савѣсть га не мучи;
Єръ разумъ да судбу свлада
Свакій данъ га учи.

Преданъ цару, вѣромъ с' крѣпи,
Своме роду служи,
Нити марый кадъ свирѣпый
Зове г' съ ньимъ да с' сдружи.

Іошт' манѣ за буну, немиръ,
Што превраћа царства,
Зна: миръ му є срдца кумиръ;
Гнуша се варварства.

Ніє никадъ подизао
Руке на свогъ цара:
Заньга радъ є издысао;
То му-й нарављ стара.

Зато Францъ-Іосифе, Отче
Милліона, добрый!
Правде и милости Творче,
Владателю храбрый!

Никадъ не презай одъ нѣга
Ты, палладинъ сыне;
Онъ ће Т' штитит' узъ Вышнѣга,
За славне Ти чине.

Равно Твоме побочнику,
Вѣрномъ О Донеллу,
Еттенрайху помоћнику,
Грађанину врелу.

Съ тогъ и изъ Гомиря, муза
Кликомъ увѣрава Т'
Да-й о судби Т' потокъ суза
Ліо Србъ и Хрватъ.

А да Промысао неба
Сачува Т' и далѣ,
И зла кобь те не увреба,
Врла, — въ гробъ не шалѣ

Молимо с' предъ жертвеникомъ,
Духовни и мирски:
„Боже! буд' съ помазаникомъ,
Пов пукъ гомирскій."

„Па спаси Га и сахрани
До позднога вѣка,
Невинне да свагда брани,
Худым' пода лѣка."

„Да законе Онъ уведе
Нов', за народъ разный;
Да насъ къ срећи све приведе,
Обште безъ боязни."

„Да с' издайство изкорѣни,
Са нѣговымъ жилам';
Да с' на болѣ све измѣни,
С'единѣнымъ силам'."

II.

НАДПИСИ.

1. Рѣчь и писмо.

Перу брзу невѣровати свашта есть мудрость
Чезне изъ уста намъ рѣчь; остае писано „азъ." —

2. Къ хвальивцу.

Твоя храбрость, дивна по бесѣди, пада у очи!
Чиніо б' русвай ты, мало да страшльивъ нис'. —

3. Къ чанколнзу.

Док' си кодъ пуна ми чанка я чуемъ добро да м' желишъ;
Учи с' и творити то: осимъ ал' чанка ми могъ.

4. Status quo.

Свете су ствари вамъ црква и клиръ, и школа, и народъ;
Зато имъ дaете миръ, да су у штатусу кво.

5. На себичнике.

Себичницы су съ пруженомъ рукомъ наликъ на слѣпце:
Ньино се чуе тек' „дай;" никадъ не веле и „на."

6. Кућа на туђемъ уздысаню.

Куħу ко съ туђимъ уздысанѣмъ, рече Доситей,
Зида си, унуцы м' живѣти неће у ньой.

7. На ласкателѣ.

Много-й у свету ласкателя док' су у нужди;
Чимъ се опораве, єлѣпи занѣме тадъ.

8. Док' давшъ дотле си добаръ.

Ко е больій, док' самь ти давао, быо одъ мене?
Чимъ изнемогохъ, садъ горій одъ свію самь я!

ДР. ЮВАНА СУББОТИЋА.

I.

ИСПЫТЪ РУЖЕ.

Кажи мени, ружо мила,
  Одкуд' теби руменъ твой? —
„Мене дѣва погледала,
Кадъ полюбацъ првый дала:
  Одтуд' мени руменъ мой!“
Кажи мени, ружо мила,
  Нашто теби руменъ твой? —
„Кадъ ме дѣва момку даде,
Да га люби тымъ да знаде:
  Нато мени руменъ мой!“

Кажи мени, ружо мила,
  Одкуд' теби мирисъ твой? —
„Мене дѣва заданула,
Кадъ за драгимъ узданула:
  Одтуд' мени мирисъ мой!“
Кажи мени, ружо мила,

Нашто теби мирисъ твой? —
Нек' зна момакъ, кадъ мирише,
За ньимъ дѣва да уздыше:
Нато мени мирисъ мой!"

Кажи мени, ружо мила,
Одкуд' теби трнакъ твой? —
„Мене мати кѣери дала,
Кадъ у коло ню послала:
Одтуд' мени трнакъ мой!"
Кажи мени, ружо мила,
Нашто теби трнакъ твой? —
„Да одъ руке момка смѣла
Я одбранимъ нѣдра бѣла:
Нато мени трнакъ мой!"

II.

РАЗГОВОРЪ СЪ МѢСЕЦОМЪ.

Ой, мѣсече, друже бледый!
Ко одъ мои тебе гледи?
Ко те гледи, шта л' говори?
Кажи мени, друже добрый!

Майка твоя мене гледи,
Мене гледи, па беседи:
„Сладка моя рана гди е?
Нѣга чека даръ одъ беза:
Све кошулѣ ђерђеліе,
Танке гаће одъ мелеза.
Заманъ майка даре спрема,
Кадъ іой милог' сына нема!“

Сестра твоя мене гледи,
Мене гледи, па беседи:
„Гди е моя снага мила?
Кадъ ће опетъ овдѣ быти?"

Сестра ружу посадила,
Да се ньоме братъ накити.
Лѣпо моя ружа цвати,
Ал' є немамъ коме брати!"

Люба твоя мене гледи,
Мене гледи, па беседи;
„Кaж', мѣсече, моме другу,
Я му ситанъ бисеръ просу,
Мушко чедо златны руку,
И дѣвойку златокосу.
Обадвое већь походи,
Нека дође, да ій води!"

III.

РОСА.

1.

Шта се то по трави,
    По зеленой блиста,
Ютромъ спрамъ сунашца,
    Ноћу на мѣсецу?
Ил' є то дѣвойка
Бисеръ погубила,
Ил' драго каменѣ
Юнакъ са челенке?

2.

Ніє то дѣвойка
    Бисеръ погубила,
Ни драго каменѣ
    Юнакъ са челенке:
Већь то сузе рони
Уцвѣлена майка,
Уцвѣлена майка
За єдинцемъ сыномъ.

3.

Єдне рони сузе,
    Кадъ се сунце ра̂ђа,
Друге рони сузе
    Кадъ сунце заходи;
Єдне рони сузе,
Што іой узе сына,
Друге рони сузе,
Што ню Богъ неприми!

4.

Коє сузе рони,
    Што іой узе сына,
Те с' блистаю сузе
    Ютромъ спрамъ сунашца!
Коє сузе ліє,
Што ню Богъ неприми,
Те с' сузе блистаю
Ноћу на мѣсецу!

ЂОРЂА МАЛЕТИЋА.

МОМЧЕ И ДЕВОЙЧЕ.

Седила у край потока
Млада к'о капля девойка.
Очи іой неба звездице,
Корали танке устнице,
Образи снѣга грудвице,
Мекана свила косице.
Круномъ е венча милина,
Краси е младость невина. —
Липа е гране савила,
Жаркогъ одъ сунца сакрила;
Тихій е ветрићъ мазіо,
Потокъ іой ноге ладіо:
Тако е санъ премаміо,
Себи у крило сваліо. —
Зора е руменъ просула
Девойцы лице посула.
Мараму ветрићъ открio,
Врела у недра слетіо,

Тонлу іой крвцу ладіо,
Тихій іой санакъ сладіо,
Поточиħъ тише жубори,
Тише све шушти у гори;
Да бы іой бьıо лепъ санакъ
Младога Мая к'о данакъ.

Голубъ у потокъ слетіо,
Сладко се воде напіо,
Гуцну и гуцну гушицомъ,
Воду на стресе главицомъ,
Подиже главу, полеже,
Танка и крилца протеже,
Прнуо расту на гране
Вивк'о с' девойцы са стране. —
Листакъ на земльи шушнуо,
Голубъ на грани с' пренуо;
Главицу сави, погледа,
Анђел-девойче угледа.
Савъ се у чувство стопіо,
Песму о драгой склопіо:
Грлице драга грлице!
Драга му слети съ гранчице,
Драгъ се подъ листакъ савіо,
Места о драгой справіо,
Да се нагледе лепоте,
Макаръ имъ было греоте.

Потокомъ момче шетало,
Желно е лова вребало,
Изъ далѣ чуло голуба,
Незнало само одъ куда. —
Тихо се краде и слуша,
Съ куцанѣмъ срдца цевъ пружа —
Ветаръ текъ шушти у гори,
Поточикъ тихо жубори. —
Ногу на леву с' осланя,
Главу по мало промаля;
Пропинѣ с' выше и выше,
Дише све тише и тише.
Спази га голубъ са стране,
Прну и съ драгомъ кровъ гране.
Момче за ньима погледа,
Скоро девойче угледа. —
Клону му пушка, претрну,
Съ луцанѣмъ срца с' осврну —
Сама у ладу девойка!
Може ли быти безъ момка? —
Тихо се липи прикраде,
Мало безъ чувства не паде —
Душа и срце слюблѣно,
Ока у зраку стоплѣно
Лебди надъ весне зорицомъ
Слади се ютра росицомъ.
Свладано силнимъ чувствама
Обоимъ клецну ногама;
Полюбацъ паде устнице

Пуне любовне ватрице
Нежну на руку, целога
Неста му света и — Бога! —
Ватре одъ силне устница
Ожеже с' нежна ручица,
Трже се изъ сна девойче,
Скочи к'о ягнѣ одойче,
Врисну и севну планиномъ,
Момче за ньоме равниномъ
Тутньи и моли : не бежи,
Душо, одъ мене, не бежи!
Я ћу т' на грудма носити,
Душомъ те моіомъ поити,
Медомъ и млекомъ ранити
Песмомъ ти санакъ мамити,
Люлянѣмъ тихимъ ладити,
Мирисомъ душу сладити.“ —
Косицу ветаръ расплете,
Густе у гране заплете,
Бризну девойче плакати,
Съ косомъ се не мож' растати.
Срадова с' момче победи,
Весело гранам' беседи.
Држ'те, о гране кићене,
Лепъ вамъ е даракъ одъ мене!
Стиже, девойче пригрли,
Люби е, грли, и грли. —
Око се съ окомъ састало,
Срце девойцы свладало;

Ватра іой лице посула,
Драгогъ на руцы клонула. —
Око у любви сустало,
Срце на срцу куцало,
Рука у руцы дрктала,
Уста на устма згарала,
Душа с' у душу сливала,
Чувства у сласти пливала.

Вече с' на гору спустило,
Драгогъ са драгомъ будило:
Доста, о мили, доста є!
Ноћь вамъ опасна постає. —
Руке имъ силомъ растави.
Пођоше. Богъ іи састави
Опеть и опеть. Растанакъ
Тежій є него састанакъ.
Уста ту муче безсилна,
Муня у оку умилна
Магію душе с'обштава,
Душу са душомъ скопчава
Тешнѣ нег' ланацъ гвозденый,
Тешнѣ нег' воздухъ склоплѣный. —
Дуго се сладко прашташе,
Єдва се срећни расташе,
Сутра да с' опетъ састану,
Ако текъ здрави освану.

ПЕТРА ПРЕРАДОВИЋА.

I

МАЙКА КОДЪ КОЛЕВКЕ.

Душицо майкина, душицо моя,
Іоштъ ти е чеоце чисто одъ зноя,
Данакъ теби садъ текъ свиће,
Сумракъ іоштъ ти кріе жиће;
Али кадъ се жића твога
Сунце дигне, обзоръ стече,
Те узилаги и припече,
Проникнут'ће капля многа
Зноя вруħа, студенога
На твомъ челу, сынко драгій;
Богъ бы дао само благій,
Да бы т' жића сунце было
Домородно сунце мило,

Душицо майкина, душицо лепа,
Іоштъ ти е очица зеница слепа.
Светъ шареный іоштъ за твое
Око сада нема бое;
Али оку кадъ разума

Бистрый прозоръ светлость даде,
Да, што види, и познаде,
Разсят' ће се света шума,
Ты ћешъ познат' брата, кума,
И савъ родъ твой, сынко драгій;
Богъ бы дао само благій,
Да спознаюћ' родъ ти славный,
Ты му будешъ подпоръ главный!

Душицо майкина, душицо мила.
Лицемъ ти с' сузица ніе іоштъ лили,
Магла іоште свудъ ютреня
Духъ твой кріе, кои саня,
Ал' то ютро изчезнут' ће
Кадъ къ полдневу духъ се хвати:
Магла ће се распадати;
А капльица надаюће
Оне магле зват' се вруће
Твое сузе, сынко драгій;
Богъ бы дао само благій,
Да, кадъ ронишъ сузу кою,
Да напоишъ землю свою!

Душицо майкина, душицо златна
Іоштъ су ти уста безъ говора златна.
К'о поточићъ кадъ ромони,
Гласъ ти у усти мутанъ звони,

Неразуманъ и истой мени;
Ал' изъ гласа кадъ се твога
Речь избистри, а и речій слога
И духъ яви пробуђеный,
Быт' ће т' говоръ, по свой цени,
Свудъ разумлѣнъ, сынко драгій;
Богъ бы дао само благій;
Да говору твоме свуде
Єзыкъ майкинъ одевъ (одећа) буде!

Душицо майкина, душицо сладка,
Іоштъ ти є ручица малешна, гладка.
Све тешкоће и потребе
Іоштъ пливаю садъ връ тебе,
К'о връ воде лако улѣ;
Ал' кадъ примишъ штапъ у руке,
Крозъ людске се біюћ' муке,
Ради леба и кошулѣ,
На руку ћешъ многе жулѣ
Осетити, сынко драгій;
Богъ бы дао само благій,
Да сви труди твои руку
Плодни буду твоме пуку!

Душицо майкина, душицо драга,
Ножица т' нема на земльи іоштъ трага
Средоточ'є си своєга
Іоште света, у средъ нѣга

Мирно спавашъ, онъ се врти
Безъ да тебе изъ сна прене;
Али едномъ кадъ се крене,
Твоимъ ногам' те упрти,
У оду се веѣъ до смрти
Смирит' неѣешъ, сынко драгій;
Вотъ бы дао само благій
Да корацы у твомъ оду
Сви те воде къ твоме роду!

II.

ДЕВОЙКИНО ПРОЛЕЋЕ.

1.

По ливади зеленой
Тече потокъ лепый,
И травице около
Своіомъ водомъ крепи.
Изъ травица зелены
Буди прамалеће,
По ливади зеленой
Различито цвеће.
Мирисъ цвећа дозива
Любовнике своe,
Любовницы лептири
По цвећу се роe.
За лептири шарени
Скаче дѣва млада,
Пуно крило наловит'
Рада бы ій, рада.
Наганя се съ лептири
По ливади млада,

Докъ не стигне онога,
Комъ е майка-Лада *).
Кадъ достигне онога,
Комъ е Лада мати,
Те га метне у недра
И куђи се врати.

2.

По ливади зеленой
Тече потокъ лепый,
И травице около
Своiомъ водомъ крепи.
Изъ травица зелены
Буди прамалеђе,
По ливади зеленой
Различито цвеђе.
Мирисъ цвеђа дозива,
Любовнике свое,
Любовницы лептири,
По цвеђу се рое.
У ливаду зелену
На потокъ по воду
Иде сада девойче
У мирноме ходу.
За лептири амо там'
Не скакуђе више,

*) Лада бяше у стары Славена богиня любави.

Веће правомъ стазицомъ
Иде и уздише.
На потоку лађане
Водице завати
На главу си метне судъ
И куђи се врати.

3.

По ливади зеленой
Тече потокъ лепый,
И травице около
Своіомъ водомъ крепи.
Изъ травица зелены
Буди прамалеће,
По ливади зеленой
Различито цвеће,
Мирисъ цвећа дозива
Любовнике свое,
Любовницы лептири
По цвећу се рое,
У ливади зеленой
Девойчице нема.
Зашто? заръ е умрла,
Ил' се касно спрема?
Зашт' не иде морити
Лептирим' слободу,
Зашт' не иде стазицомъ
На потокъ по воду?

У ливаду зелену
Дѣва се не гиблѣ,
Седи лепо кодъ куће,
Увъ постелю зиб'лѣ (люля).

НИКОЛЕ БОРОЄВИЋА.

I.

СПОМЕНЪ МЛАДОСТИ.

Руменило кадъ сунца заода.
Спусти зраке са небесногъ свода,
И разсветли землю наоколо,
Да разрачи момке и дѣвойке,
Милогласно гди свираю двойке,
Да пѣваю и играю коло.

Тадъ и мени буду груди тесне,
Кадъ се сѣтимъ могъ живота весне
И радости дѣтинске младости,
Како самъ се здраво и весело,
Окретао у колу крозъ село,
С' дѣвойкама природне благости.

А сада ми совршена зора,
Каже сунце на средъ синѣгъ мора,
За коимъ веђъ заоднице нема,
Него само оно пристаниште,
Гди се разлогъ одъ свакога иште,
Кой смрть или безсмртіе спрема.

II.

ДВОСТРУКІЙ СОНЕТЪ.

Мѣсто да све мудро проникнемо,
Што развитку болѣгъ станя смета,
И по томе сва начела света,
Произвести сви да пріонемо.

Само празнимъ рѣчма уздишемо,
Кодъ очію и кодъ бѣла свѣта,
Кукаюћи к'о и пре сто лѣта,
Што ли ће мо, да како ли ћемо.

Нарочито школе и свештенство,
Претресамо безъ свакогъ успѣха,
На саймишту писмености шумне,

Тргаюћи разлога првенство,
На ситнице покора и смѣха,
Безъ озбильне помоћи и умне.

О умови честити и славни!
Кое Музе райскимъ млекомъ дое,
Кадъ витежка ваша дѣла брое,
Да будете и потомству явни

Некъ предъ вашимъ — сви предмети тавни,
Сяйнимъ свѣтомъ бѣже и нестое,
Изъ тогъ свѣта само некъ се строе
Правила к'о основъ неразставный.

И за школе и за свештенике,
И за све, што србско срдце пече,
Да постане и лепше и болѣ.

Божества ће вашегъ жертвенике
Украсити што брже и прече
Родъ, кодъ обште любави и волѣ.

СТАНКА ВРАЗА.

I.

ЛѢПА АНКА.

Ала е лѣпа наша Анка
  Дал' е истина? дал' е санъ?
Тресу се боръ и ела танка
  Завидећи іой струкъ тананъ.

У лугу сладкій зборъ славуя
  Ћути, нѣ чуюћ' слађій гласъ
Надъ ньоме лебди рой метуля
  Мниюћ' да е цвѣтакъ нѣ образъ.

Увртльу се диве красне руже
  Гледећ' тай лица, уста рай;
Хитріи ю хладцы грлећъ круже,
  Да ю одведу у свой гай.

Низъ стѣну преко, у долъ скаче
  Брже и брже водопадъ,
Гдѣ играюћ' се прстъ намаче;
  Да га поюби носи хладъ.

Тако све чезне да ю прати
И грли любећ' нѣзинъ слѣдъ
Само я морамъ овдѣ стати,
Гдѣ ме зачара нѣнъ погледъ

II.

ШТА Є ЛЮБАВЬ.

(Одговоръ на питанѣ господичне X.)

Шта є любавъ? вѣтрићъ мысленъ,
Што се брати съ прамалећемъ,
Цѣливаюћ' играс' цвећемъ.

Шта є любавъ? вихоръ силенъ
Што се подъ ньимъ обараю
Цвѣтъ у верту, дубъ у гаю.

Шта є любавъ? сунчни зрацы,
Што іоштъ ниче одъ ньихъ брже
Шта є любавъ? сунчни зрацы,
Што но лѣти траву прже.
Шта є любавъ? мостъ до неба,
Кудъ анђели къ намъ силазе,
Казиваюћ' чисте стазе,
Носећ' комадъ райскогъ хлѣба.
Шта є любавъ? црный ђаво,
Што насъ труе купомъ ласти,
Тѣло чини у прахъ пасти
Души отме неба право.
Твоя любавь, срце драго!

Была увѣкъ, како треба:
Была вѣтриѣъ, сунце благо,
Была златанъ мостъ до неба,
Была увекъ и безъ края
Ко тва душа — кѣерца рая.

III.

РОКЪ И СТАЗА.

(Романца.)

Ты ме питашъ съ свѣсти брижномъ
Како валља да ме служишъ,
Да са душомъ душу држишъ
У животу часобіежномъ?

Разне роке, разне ставе
Има любавь, срце младо,
Кое трѣба да се пазе . . . .
Слушай добро, моя Ладо!

Докъ намъ златна врата рая
Отворена упокои,
Гдѣ владаюћ' любовъ стои
Безъ све бриге и безъ края.

Ты онамо води мене,
Гдѣ ћемо к'о два голуба
Любити се безъ промѣне:
„Ай буди ми тада люба!“

Кадъ све небо бура узни
Златна муня и громъ лютый,
Те замркну землѣ пути,
Да узтрепћу створи пузни :

Тадъ у помоћь стани мени,
Покри бѣлымъ рукам' лица,
Да невидимъ буръ огньеный :
„Ай буди ми тадъ сестрица!"

Кадъ позове домовина
Трубльомъ славе соколове,
Па и мене међу ове
Кано вѣрна пошлѣ сына :

Благословъ ме у то време,
Къ дужности ми свѣсть обрати,
Тадъ слободомъ надахни ме :
„Ай буди ми тада мати!"

Кадъ ми буду усти модре
Као што садъ очи твое,
И студено тѣло мое
Кадъ на црне метну одре :

Ты предъ крстомъ склони руке
За душе ми молећ' дѣо,
Спаси се ми да одъ муке :
„Ай буди ми тад' „анђео!"

Ты ме питашъ съ свѣсти брижномъ,
Како валя да ме служишъ,
Да са душомъ душу дружишъ
У животу часобѣжномъ?

Разне роке, разне стазе
Показахъ ти срце младо,
Кое треба да се пазе . . . .
Памти добро моя Ладо!

ЉУБОМИРА НЕНАДОВИЋА.

I.

ПОБОЖНЕ ПѢСМЕ.

1.

О Господи, комъ сва срца,
Од’векъ довекъ песме пою.
Прими сада и одъ мене —
Тужну песму ову мою.
Я никога овде немамъ
Съ кимъ да тугу мою делимъ.
Я međъ людма ништа немамъ,
За чимъ жудно одсадъ желимъ.
Душа моя о Господи,
Узноси се само Теби.
У молитви да одлакша,
Своме срцу, и сама себи.
Обзире се на све стране,
За ню свудъ є земля пуста.
Са сви страна зинула су
Нечастива на ню уста.
Єдина си Ты утѣха,
Кою тражи душа моя.

Єдиный си Ты Судія,
Єдина є правда Твоя.
Нема за ме' ништа земля
Ты си оба моя света.
Теби Вышньій, о Господи,
Посвећуемъ моя лета.
Боже, кои правду любишъ,
Немой мене оставити.
Немой Боже мою младость
Горкой туги жертвовати.

2.

Блаженъ онай о Господи,
Кои Тебе зове свуда.
Блаженъ спасенъ онай само,
Ко с' у Твою правду уђа.
Ты никога іоште ниси
Страдаюћегъ оставіо.
У свакоме краю Ты си
Праведнога заштитіо.
Моя с' душа Теби само
Єдиноме поверава.
У грудима чиста савѣсть,
Твоіомъ е' правдомъ утѣшава.

II.

БАСНЕ.

1.

Старацъ и смрть.

Край бремена дрва єданъ старацъ сѣдне;
Овладанъ слабости, уздишући рекне:
„Гдѣ си веће, гдѣ си, о смрти проклета!
Што недођешъ да ми свршишъ тужна лѣта?
Већъ ме гледашъ да се у старости мучимъ,
Подъ бременомъ дрва да се вако гучимъ:“
Смрть се яви старцу, и рекне: „Шта хоћешъ,
Те ме непрестано уздишући зовешъ.
Мене ево старче, я самъ похитала,
Позиванѣ твое я самъ саслушала;
Већъ и сама видимъ, да си посустао,
Садъ ми кажи само, зашто си ме звао?“
Старацъ се уплаши, и главу обори,
И негледећ' у смрть, тихо проговори:
„Звао самъ те, да ми помогнешъ подићи
Ово бреме дрва — морамъ кући ићи.“

2.

Растъ и трске.

Растъ силнымъ се вѣтромъ изъ землѣ извали,
И изваљенъ тако у рѣку се свали.
Покрай вите трске вода га носаше,
И у бѣди своіой растъ трску питаше:
„Кажите ми како, о вы трске танке!
Издржите вѣтре велике и яке,
Кадъ я 'вако сталанъ, высокъ и дебео,
Одъ силногъ се вѣтра ніесамъ отео?“
„Е тако е!“ рекну віюће се трске,
„Мы се превіямо, и ніесмо дрске,
Свачемъ одъ насъ ячемъ мы се прикланямо,
И за свакимъ вѣтромъ мирно с' повіямо.
Вы растови за то често се ломите,
Што свакоме вѣтру снажно пркосите.“
Често е се болѣ съ пута уклонити
Ономъ, коме ниси кадаръ одолѣти.

III.

СРЕЋА.

Гди е та срећа што с' довека тражи,
Да човеку животъ привремены блажи —
Што обриче млого а ништа недае,
Безъ топлоте сяе.

Єли у злату и силномъ богатству?
Ил' у спокойству и у сиромашству?
Ил' е у слави на овоме свету,
Кадъ се вѣнцы плету.

Шта е то срећа коя мами люде,
Да сви за ньоме тако жельно уде —
Да сви за ньоме еднако уздишу,
И о ньой све пишу.

Може-л' та срећа, што се тако зове,
Изъ люди' створити люде нове?
Ньіове гадне подчинити страсти,
Подъ ума области.

Може-л' та срећа пронаћи край желя,
Претворит' мысли людске изъ темеля?
Може-л' човеку будућности клете,
Да на добро сплете.

Ако то срећи у области ніе,
Онда право има што с' одъ люди кріе,
И што се нигда достигнути неда
Ономъ ко е гледа.

ВАСЕ ЖИВКОВИЋА.

МЛАДОЙ НЕВѢСТИ.

Радуй се млада нево!
Већъ чарне твое власи,
Одъ мирте вѣнацъ краси,
Зелене мирте сплетъ.

Кићени свати вичу:
„Одби се вита грана,“
„Одъ плавогъ іоргована,“
„Одби се съ граномъ цвѣтъ.“

О врат' се нево, врат' се!
Заръ нису сее миле,
Доста ти нѣжне быле?
Куда ћешъ! врат' се ой!

Изъ свѣта заръ е момче,
Одъ майке слађе старе,
Што сузе врискомъ таре,
И животъ куне свой?

Зарь тамо, кудъ си пошла,
Зарь сунце лѣпше сія?
Ил' цвѣће лѣпше клія?
О врат' се снаице!

Гле друге даръ ти носе;
Одъ ружа гнѣздо красно,
У гнѣзду гучу ясно,
Двѣ сиве грлице?

Неслуша лѣпа Фемка,
Већъ бѣломъ рукомъ маше,
За њоме вес'о яше,
Тай женикъ невѣра.

О иди дивна нево,
Гдѣ срећа за те цвати,
И пѣсма некъ те прати,
Твогъ ручногъ девера.

У нове идешъ дворе,
Гдѣ заова цвеће бере,
И нова майка отере,
Одъ садшлатна путъ.

Ой съ Богомъ красна душо,
Па срећна довѣкъ буди,
И одекъ срдны грудій,
Іошть прими: срећанъ путъ.

ДАНІИЛА СТАНЋА.

МОЛИТВА.

Благій Боже! дай да може,
И одъ сада, к'о досада,
Срећна звати с' и казати с',
Моя душа, коя слуша
И чествуе свете Твое
Заповѣди. И у бѣди,
И у срећи нема већи,
Зашчитника него рука,
Света Твоя, коя моя,
Сва обрана. Заклонъ грана,
Свагда буди противъ людій,
Злоботворны и притворны;
Одъ проклете ньине чете,
Свелукаве закрили ме.
Я се и садъ к'о и досадъ,
Уздамъ у Те, вѣчный свѣте!
Невечернѣ славе вышнѣ.
И одъ сада Теби свагда,
Припадат'ћу и молит'ћу:

За зашчиту Твою свету,
Данъ и ноћу, свемогућу. —
А мое ће свагда веће,
Дѣло быти угодити,
Теби Отче, свега Творче!
И Судіо праведнѣйшій,
Кои држишъ судъ и милость,
Да заслужимъ погледъ светый,
Свебудногa Ока Твога.

СТЕФАНА ПАВИШЕВИЋА.

ДЕРВИШЪ.

(Балада.)

У корану к'о што пише,
    На молитви Дервишъ стои;
Даню ноћу метанише,
    И молитве чати, пои.
Коранъ учи, съ ньиме, збори,
    За рай црни души хране,
Да га Алахъ неукори,
    Ако Свећа онъ омане.

Свећу гове, како е' прене,
    Да засвѣтли себи пута,
Кадъ се на путъ небу крене
    Да цѣлива нѣму скута.
Да крозъ магле и облаке,
    Кадъ се горе сунцу дигне,
У хитрене, скоке лаке,
    Чакъ у седмо небо стигне.

Одъ силна труда, поста,
Раствори се труло тѣло;
Што на земльи іоште оста,
Тие чате кадъ опѣло.
У раку му кости сложе:
Главомъ Ћабу право здравля;
Ал' се души далѣ може,
На путъ у рай она с' справля.

У гробници лежи тѣло.
На путъ креће с' душа свѣтла,
Кудъ ће кано мегъ у небо,
Єръ є свецу угодела.
И крозъ магле и облаке,
Леће душа сунцу горе;
Ньой су стазе неба лаке,
Єръ у райске хити дворе.

И већъ на прагъ првогъ неба,
Дервишева душа стиже:
Запитати ту садъ треба,
Кудъ є седмомъ небу ближе.
Шта л' да земска чини душа
Кадъ с' отворе райски двори,
Поздравъ свечевъ кадъ саслуша,
Шта да нѣму онда збори.

Ал' є жудня чудна воля,
Чудно нагли, кудъ се вине:

Станъ су ньойзи райска поля,
　　Там' ће сунце да іой сине.
Крили яче душа мане,
　　Да што тріе тамо с' стани;
Да одане, да іой сване,
　　Да у вѣчномъ хладу дани.

Текъ што ману, крили стане,
　　Выша моћь ю назадъ врати:
„Кодъ толике кудъ ћешъ мане,
　　Овдѣ валя грѣхе спрати.
Іошъ на смртность мири т' душа,
　　На ньой весьи грѣха млази;
Овдѣ врлость кадъ покуша,
　　Далѣ у рай текъ одлази.“

Облакъ тутньи — и запета
　　Свѣтломъ сѣвну стрѣла моћи,
Грѣшна душа затрепета,
　　Єръ су смртне слабе очи.
Яснымъ зракомъ небо с' осу:
　　Изъ свѣтлости вѣчногъ врела
Живый огань пламенъ просу,
　　Да просину вышня дела!

ІОАННА ІОАННОВИЋА.

І.

ОНОЙ ПЛАВОЙЦЫ.

Да на земльи има
И рая и неба,
Да на земльи има
Све што души треба,
Плавойчице, лепша
Одъ анђела свію,
Прочит'о самь данасъ
Изъ твоихъ очію.

О када бы и ты
Изъ могъ бледогъ лица
Прочитати хтела
Неколко речица:
Што ми срдце души,
Душа срдцу таи,
Што дубоко леже —
Међу уздисаи!

II.

ШТА Є ЖИВОТЪ...

Шта є животъ? — чаша вина!
Я текъ нагохъ изъ нѣ пити,
Осврѣемъ се, обзыремъ се
Коме ћу є наздравити.

Худогъ доба празни дани
И немила млѣжъ ньина
Куцаю се съ моіомъ чашомъ
Не штедећ' ми живот-вина.

Родъ и народъ онъ ми лети
По срдцу и по памети,
За кога є еднакъ слатко
И живети и умрети.

А кадъ на те мысли дођемъ —
Ту се дае мыслит' дуго; —
О прошлости старый јаде,
Садашности нова туго!

Па можда ћу мислећ' тако
Само клети зла времена
Докъ не буде чаша празна,
Празна чаша разбиена

Ну башъ ако буде тако
Да мой животъ празно мине
Попева ћу, приклиња ћу
Да баръ други штогодъ чине.

III.

1.

ДВЕ РУКЕ.

Нашто мени до две руке?
Ваша мудрость вако збори:
Єдна ти є да се крстишъ,
Другомъ после роби, мори!

Хай, та лепше учи Хафисъ
Незнабожацъ неумрлый:
Єдномъ, вели, бокалъ дижи,
Другомъ само драгу грли!

2.

НА ГРОБУ ХАФИСА.

Накуц'о се чаша, напев'о песама,
Напіо се рая на лепымъ уснама,
Де є наш'о сласти, ту іой ніє прашт'о, . . .
Садъ гори л' му душа баремъ знаде зашто.

3.

ЗА ПОЛЮБАЦЪ.

За полюбацъ, еданъ само,
Срце самъ іой дав'о;
Полюбит' ме нiе хтела,
Срце ми отела.

Алъ я живет' с' празнымъ грудма
Не могу међъ людма;
А да шта ћу са празнином?
— Налићу е виномъ.

АЛЕКСАНДРА АНДРИЋА.

I.

КАНЦЮНЪ.

Кринъ и ружу-цвѣтинъ даръ
Миловидный-любимъ нѣжно,
Любимъ дѣве лице снѣжно,
Кадъ га краси ружинъ жаръ.
Медну сладость дѣли пчели,
Цветна ружа, цвѣтный кринъ;
Али невинъ ньіовъ чинъ,
Само пчели радость дѣли.
Зато нека руже жаръ
Само краси лице снѣжно,
Моіой дѣви бракъ ће нѣжно,
Съ ньоме дати слађій даръ!

II.

СРБСКА ЧЕЗНЯ.

Знашъ ли, гди е земля красна,
Гди но Вила пѣсму слаже,
Гди слободе звѣзда ясна.
Луче сипа, гди се траже,
Славе вѣнцы за свой родъ?
Ахъ тамо! тамо!
Могъ живота радъ бы само,
Ядрити бродъ.
Знашъ ли, гди но кестенъ роди,
Гди су србски 'Муза' двори,
Гди се вѣчно плаве своди,
Гди се Србу србски збори,
Гди се спрема златанъ вѣкъ?
Ахъ тамо, тамо!
Могу чезньи наћи само,
Волшебанъ лекъ.
Знашъ ли, гди но Дрина, Сава,
Дунавъ, Тимокъ, рѣка тече,
Гди с' Балкана выси глава,
Гди слободе пѣсме ече,
Гди е некад' влад'о царъ?
Ахъ тамо! тамо!
Єднако ме вуче само,
Любави жаръ.

ІОВАНА ИЛИЋА.

1.

КАДЪ Я ВИДЕХЪ ОЧИ ТВОЄ...

Кадъ я видехъ очи твое,
Ярко сунце мени сійну,
Кровъ срце ми стрела мійну,
Кадъ я видехъ очи твое!

Кадъ я видехъ очи твое,
К'о у небо да се війну,
Савъ се стопи у милину,
Кадъ я видехъ очи твое!

Кадъ я видехъ очи твое,
Изворъ сладки уздисая,
Я помысли : ето рая!

Предъ очи ми зора свану,
А душа ми огнѣмъ плану,
Кадъ я видехъ очи твое!

2.

КАДЪ? САДЪ!

Ахъ, веруй Богу,
Живити немогу
Безъ тебе, любезна,
Нек' свакій зна!
Нек' ярко сунце ся,
Немаримъ зато я,
Дражій е погледъ твой
Анђеле мой!

Мирисно цвеће
Пчелица облеће,
И піе медну сласть,
Премилу часть!
Твое су усне рай,
О драга душо, знай!
Слађій е ньіовъ цветъ,
Нег' цео светъ!

Поваздань, тужанъ,
Уздишемъ к'о сужанъ
За тобомъ, любезна.
Нек' свакій зна!

Непитай, драга, кадъ?
Дођи ми, дођи садъ!
Полюбацъ дай ми твой,
Анђеле мой!

3.

КАДЪ Є ШТА БОЛѢ.

Ой на ове дуге ноћи,
Хоћешъ ли ми, драгій, доћи?
Како ћу ти, драга, доћи,
Кадъ немогу юнакъ проћи.
Одъ мириса любичице,
Одъ мѣсеца издаице?
Любичица миромъ мири,
По срцу ми яде шири,
Сяянъ мѣсецъ с' неба гледа,
Твоме двору доћ' ми неда!
Ой вы яди, велви яди,
Пожал'те насъ двое млади!
Младость нашу погледайте,
На срце намъ непадайте.
Сяй-мѣсече, за облаке
Сакри твое бледе зраке,

Тавна ноћь е за насъ двое,
Милованћ за обое!
А када намъ дођу свати;
Онда ћешъ намъ лѣпо сяти!

4.

СВАКОМЪ СВОЕ.

Подъ яворомъ, край потока, трава зелена,
Ту долази млада мома бѣла, румена:
„Да лѣпо ти ярко сунце подъ яворомъ ся!
Іошъ да ми е коло овдѣ, играла бы я!“
Яворъ с' віе и новія, вѣтрићъ лахори,
А поточићъ младой моми тихо жубори:
„Небрини се млада момо, велимо ти сви,
Быће кола и сувыше, нек' си жива ты!“

Подъ яворомъ, край потока, трава зелена,
Ту долази млада нева скоро вѣрена:
„Да лѣпо ти ярко сунце подъ яворомъ ся!
Іошъ да ми е драгог' овдѣ пѣвала бы я!“
Яворъ с' віе и новія, вѣтрићъ лахори,
А поточићъ младой неви тихо жубори:
„Небрини се, млада нево, велимо ти сви,
Быће пѣсме и сувыше, нек' си жива ты!

Подъ яворомъ, край потока, трава зелена,
Ту долази стара баба — баба згурена:
„Да лѣпо ти ярко сунце подъ яворомъ ся'
Да самь сада к'о некада, царовала б' я!“
Яворъ с' люля изъ корена, хоѣе да пане,
Вѣтаръ дува, к'о помаманъ, неѣе да стане,
Потокъ шушти и протиче, ништа невели,
Веѣъ оставля стару баку, нек' се нажели!

БРАНКА РАДИЧЕВИЋА.

I.

ДЕВОЙКА НА СТУДЕНЦУ.

Кадъ самъ синоћъ овде была
И водице заитила,
Дође момче црна ока
На коньицу лака скока
Поздрави ме, зборит' оде:
„Дайде селе мало воде!“
Ове речи — сладке стреле —
Минуше ми груди беле,
Скочи млада, нѣму стиго,
Диго крчагъ, руку диго,
Рука дркти — крчагъ доле —
Оде на две на три поле.
Юштъ одъ нѣга леже црепи,
Али да е онай лепый?
Кадъ бы сада опет' дош'о
Ма и овай другій прош'о!

II.

ПУТУ КРАЙ.

„Я обиђо многе доле
Многе реке,многа врела,
Горе, луке, стене голе,
Многе дворе, многа села
И опета нигде кута
Дено млађанъ да се станимъ
Да с' немирна манемъ пута.
Своıъ живота данъ предани
Дивны места виде доста,
Дивна беу, ал' не дуго,
Нигде дуго я неоста'
Єръ све тражи нешто друго.
Па тако се лево десно
По свiету лупамъ
Све є уско, све є тесно,
Да л' ћу што да слупамъ?
Ко зна де ће іошъ истећи
Тай немирный животъ мой
Де ће силна желя рећи:
Доста море, овде стой!“

Пева путникъ, па силази
Крозъ каменѣ низъ планину,
Путъ се вину, онъ упази
Дивне драге и долину.
Гледа путникъ с' стене голе:
„О красоте о дивоте.
Нос' ме стазо доле доле!“
Закликтао одъ милоте.
Доле га е стаза снела,
О да дивна овде чуда!
Єдна мома стои бела,
Ка'но снега млада груда.
Ой девойко злато чисто!
Та лепша си него вила,
Лепша него сунце исто,
Бы ли, рано, моя была?“
„„Ой срећице изъ ненада,
У мога ме ишти ћака,
Тела бы те мома млада
Тела бы те я юнака.„„
Путникъ иште, отацъ дае,
Ето путу дође край,
Ал' и моя рука дае,
Драгій роде, песму най!

III.

РАНЕ.

1.

Майка преде танку жицу
А сынчиħъ прѣдъ ньоме,
Седи малый држи тицу
Па се игра ньоме.
„Гледай крило, майко мила,
Гле шареный репъ!
Како ґа е раширила!
О како е лепъ!“
Рече дете па упусти,
Утечему тица лепа,
А мачка се за ньомъ спусти
Па е за вратъ ядну шчепа.
„Яо мамо удави е
Однесе ми тицу, яо!
Недай мамо да поіе,
Недай мамо, яо яо!„
Ето лежи несретница,

Башъ ни трага одъ живота:
„Моя тица, моя тица!
О сирота, о сирота!“
Дете тужно закопава
Тицу свою подъ земльицу.
Па са ньоме затрпава
И сву своју болѣтицу:

2.

Данъ све данка, светацъ свеца,
А неделя недельицу,
Месецъ гони све месеца,
А година годиницу.
Године су нагариле
Мркомъ дете наусницомъ,
И слабачко осилиле
Снажнымъ плећемъ и мишицомъ.
Ал' е дивно нарастао
К'о да ниче и борику,
И девойче іошъ нашао
Белу вилу у облаку.
Онъ е грли млађанъ жарко,
Онъ е стиска уза себе:
„Мила моя, сунце ярко,
Благо мени поредъ тебе!“
Ал' му ево боно паде
У еданпутъ чедо красно,
Боно паде не устаде —

Зађе нѣму сунце ясно.
Ала ядань чупа косе
Грува свое младе груди,
Ветри вапай нѣговъ носе,
Оће скоро да полуди.
Тужанъ иде онъ на гроба
Де почива нѣму мила,
Свакій данакъ дуго доба
Суза онде ліе сила
Али ніе све до гроба
Око суза пролевала,
Єръ и ньи е благо доба
Єданпута убрисало.

3.

Опетъ гоне данцы дане,
И годинe годинице,
Беле нѣму косе вране.
Бразде нѣму глатко лице,
Ал' опетъ е превесело
Вавѣкъ нѣму чарно око,
Опетъ носи ведро чело
Као младићъ онъ высоко:
Та онъ има красна сына,
Па га гледа нунъ радости
Па се сећа сви милина
Што имаде у младости.
Ал' еданпутъ данакъ свану

А онъ сына нађе ладна:
„Па заръ и ту грдну рану,
Мога яда смрти гладна!“
Вельи ядъ е нѣга стиск'о,
Замути се нѣму око,
Главу нови одъ садъ ниско
Ранѣн' отацъ предубоко.
Тешко ову болѣтицу
Ніе яданъ преболео,
У ледну е ню гробницу
Са собомъ е онъ однео!

ДАМЯНА ПАВЛОВИЋА.

I.

ВЫШШІЙ ДУХЪ.

Што се души у сну неда,
Фантазію што намъ буди,
То на яви умъ се труди,
Да разбере и сагледа.

Живля душа живлѣ снива,
Живльій умъ текъ ту ликуе
Кадъ намъ хоће да толкуе,
Што у себи тама скрива.

Чіи духъ намъ озго сноси,
Што намъ доле овде треба,
Што е духу кора леба:
Тай некъ с' дичи и поноси!

II.

ПЕВАЧЪ У ГОРИ.

Тицо, тицо, суво злато,
Што на грани стоишъ,
Како, тицо, умилято,
Како дивно поишъ!

Ама, тицо, како не бы,
У крилу дивота?
Кудъ се винешъ, свудъ су теби
Ята одъ милота!

Зора тебе руйна буди,
Медна роса храни,
Мирисъ пои твое груди,
Листъ одъ сунца брани.

Чини ми се, тицо мила,
Да ме мазе тако,
Песма бы се моя вила,
Ка' и твоя сладко.

ЂОРЂА РАЙКОВИЋА.

ЛЮБОПЂВАЦЪ.

(У споменицу Милици **).

Милокрвность у србкиня
 Цѣломъ свѣту знана есть,
Те своіости пламенъ тиня
 У грудима ньим' на честь.
Она само една явля,
Любавникомъ ньинымъ справля
 Займне любве милу вѣсть.

И ты Милка безъ нѣ ниси,
 И теб' знаде нѣзинъ красъ,
Милокрвна вазда ты си
 То твой каже виткій стасъ,
И іоштъ вышше медотечный
Изъ прсію твои ечны
 Што извіяшъ, душо, гласъ.

Охъ! кадъ бы ме вышша сила
 У свой сяйный свела домъ,

Тамо б' тебе душо мила
Придружіо духу момъ,
Чув'о бы те у нѣдрима,
Да м' утѣху душа има,
Да с' прохладомъ блажимъ томъ

Ал' суђено то ми ніе —
Чуй о Милка харфе м' звукъ
Жаловито онъ се ніе
Тугомъ пунећъ васцѣо лугъ.
Ахъ! ты несмѣшъ моя быти,
Я ћ' узъ Харфу сузе лити,
С' ньомъ изданут' вѣранъ другъ.

ПЕТРА МАРКОВИЋА.

ЛЮБА ШАЙКАША.

1.

Подъ дебелымъ липе ладомъ,
Седи Миланъ с' любомъ младомъ;
Єдно друго жельно грле,
У бела се грла любе,
„Ой Милане мой драгане
Люба Милу причатъ стане :
„Што су очи плаовите
„Мени с' чине страовите
„Што ће теби Стаячица
„Данасъ клета пушка шоца
„Нисул' сада боя дани,
„Кадъ Србъ цара свога брани?
Илъ вальда си деверъ свому,
„Ма да водишъ брату Мому?
„Ял' си ми се оженіо
„О! ты онда сретанъ быо.“
Люба б' речи наставила
Алъ е сузу скрити ктела,

Одъ Милана одъ Драгана,
Шта е снађе ніе знала! —
Миланъ любу свою гледи
Како і' лице нѣжно бледи!
Слути срце добро ніе
Окол' Любе руке віе
Прса груди осетила
Усна усну полюбила
Любе свое обло тѣло
Полюбіо Миланъ врело
Она нѣму, она чело,
Опетъ онъ ньой грло бело!
На гр'оце суза пала
Миланова чувства стала. —
Устегнуо срце малко
И у томъ е почо вако;
„Ко што мелемъ вида ране
„Ко што пишта майка лане
„Тако любавь болю вида
„Верность с' срца тугу скида
„Я ћу твою любавь штити,
„Ты ћешъ мени верна быти. —
„А у свету да е коя
(Ты довека ты си моя)
„Одъ тебека ма и боля
„Была нѣна каква воля
„И нека е одъ теб' беля
„И нека е руменія
„И нека е кол'ко выша

„Одъ голуба кол'ко тиша,
„Ты си моя голубица;
„Ты, ты моя и даница!
„Алъ данъ ево дође боя
„Мене зове дужность моя,
„Међъ люде е ватра пала
„Хиляду ће быти зала
„Све е Боже узаврило,
„Све, све листомъ устануло
„Кудъ ће кое нико незна
„Свакомъ стои своя безда
„Србе гнѣчи подлость света
„Да невиде бела света;
„Свакъ се свога рода веже
„Одъ Србина свои беже!„
„Алъ е тврда мишца-Срба
„Светый знакъ е ньиног' грба
„Цару веранъ, свое люби
„За крстъ, име, главу губи!
„А за езыкъ, Ой Ты Боже!
„Ко сме узетъ, ко ли може? —
„Е садъ любо! у то име
С' благословомъ пусти ты ме
„А кадъ стигнемъ на боиште
„Борит' станемъ с' за огньиште.
„За нашъ родъ се моли драга
„И преклиньи Творца блага
„Да онъ бедный родъ сахрани
„И частный нашъ крстъ одбрани!

„Онда! ако добра буде,
„Божіомъ вольомъ паднy юде?
„Те с' браћомъ се вратимъ к' теби
„И юначство стечемъ себи? —
„Онда! онда! любо мила,
„Ты ћешъ быти моя вила!
„Онда быћу я сретніи,
„Єли? теби іоштъ миліи! —
„А ако ме тане топа
„У землъицу там' закопа
„Онда! онда' Боже милый!
„Тако с' ктео самномъ Ты ли?
„„Сретно иди, иди Миле,
И свете ти речи были,
Алъ ако ты тамо паднешъ?
Треба драгій то да знадешъ:
Да ћу гробъ твой жива наћи,
И да ће ме смрть там' снаћи!“ —
И већъ оде Миланъ у бой
С' сбогомъ одно Любе покой.

2.

Муня с' муньомъ оглашуе,
  Силне моћи владу,
А громъ стѣну обалюе,
  Све се сprema яду! —
Ето, ето бурра бурру стиже!
  Сила силу вія;
Данъ суђеный дође ближе;

Пакла челюсть зія!
Авай Боже!
Коли може!
Србе спасти
Одъ пропасти
Данаске? —
Бубань лупа, труба труби,
Юнаке сазива;
Да се валя клати зуби
На шанацъ призива!
Мома свога, драга свога,
Юнака опрема;
У помоћь ти зову Бога,
Ко шта има спрема;
Громъ, громъ хуи,
Тане ѕуи —
Авай Боже!
Коли може
Издржат'? —
Старый бабо, стара майка,
Кука, сузе ліе;
Подигла се грозна айка,
Отацъ децу кріе!
Душманъ ланце робства куе,
Оштро гвожђе звечи,
Дунавъ мутный крвцу блюе
Сея, Люба ечи!
Миланъ ето!
Шчепа клето,

Оружіе
Да Божіе
Одужи!
Хуи, тутньи по своmъ свету!
Татаръ бѣсанъ цычи;
Разяріо пакость клету
Предъ ньимъ закланъ крчи!
Миланъ яде трпитъ неѣе!
Шоцу дизатъ стаде;
На колено и текъ клече,
А татаринъ паде!
Ха! вала ти,
И света ти,
Рука была,
Паметь мила
У роду! —

3.

Тамъ, гдис' бдили ратоборцы
У то боя време;
Тамо сада жетеоцы
Ноое труда бреме! —
Гди су были лагумови
За пущчани пра
Пастыра су садъ домови
Єръ престаде стра.
Там' край шанца шайкашкога,
Гди су оне унке?

Путъ нанесе ако кога?
  Край древене руке, —
Поћи мало у напредакъ,
  Ту видићешъ гробъ!
А мой Боже, юнакъ редакъ,
  Смрти посто робъ! —
Миланъ за свогъ рода славу,
  Изгубіо животъ, главу?

4.

Ко e оно што тамъ клечи,
  Поредъ оногъ гроба?
Те садъ тако тужно ечи,
  У то глуво доба?
И што сова, што облеће?
  Шта то значи саде?
Шта то ноћне тице крече,
  Слуте какве яде?
Сова слути да наслути!
  Іоште едну жертву; —
Люби с' нѣжной душа смути;
  Те потврди клетву: —
Ядна, мртва люба паде,
  Край Милана лежи саде,
На гробу іой никло цвеће
  Майка кука свако вече.

ДАМЯНА МАРИНКОВИЋА.

I.

ИЗБОРЪ.

Одгаила мяйка
До величка Райка,
Па га шилѣ школи
Кудъ найвећма воли,
Райкова е брига
Текъ нѣгова книга;
Онъ се зато мучи,
Нуждно кадъ научи,
Да се врати дома
Из'ученъ веома.

Оправила майка
У дальный светъ Райка
Да упозна ћуди
Различиты' людій. —
Райко бригу води
Да сваком' угоди

И разпозна шта е
Што се здраво сяє.
Све до края свати,
Па се дома врати.

Опетъ шилѣ майка
Надалеко Райка,
Да за себе тражи,
Што животу важи.
Райко злато неће,
Ни бисерно цвеће!
Већъ прихвати дѣву
Подъ мишицу леву:
„Айде дѣво дома,
Срећа є у двома“. —

ЂОРЂА ЯКШИЋА.

I.

ПЛЕНЪ.

Далеко су села, далеко механе,
Далеко пастыри бело стадо хране;
Далеко, далеко! Богъ бы знао, где су?
Облацы ихъ крію, вихори потресу!
Горомъ вихоръ бесни, доломъ облакъ плива,
С' усіяногъ чела хладный зной пролива;
Кадкадъ громомъ рикне, сене муньомъ плахомъ,
Ил' грмлявомъ грмне — са горкимъ уздахомъ.
Стрепи, стрепи, яданъ свете, одъ менека,
Освета те моя са высине чека!
Тужительи вредни предъ Бога су стали,
Покори су твои Богу додіяли;
Разгнѣвлѣно небо у пламену гори,
Чуємъ громку трубу, чуємъ, где се ори.
Ал' шта рекохъ, тужанъ, да ти небо прети?
Самъ ћешъ у свомъ яду — греху изумрети! . . .

Висока є гора с' звездама се грли —
Човечни звуцы ту су изумрли,
У ньой славуй песмуніе запевао —
Я на ньойзи стоимъ!... Ко ме і' амо звао?
Несу ово пути за у небо плаво,
Да у пако воде высоки су здраво!

Растрвлѣно, пусто стенѣ и врлети,
Отворена пропасть прогутат' те прети.
К'о са црномъ жалость увіена ризомъ.
Вечанъ хладакъ влада надъ мрачнымъ амбизомъ;
А изъ тамны грудій нешто проговара,
Тако тужно, болно, срце ти се пара.
Є ли ово клетва умируħи' грудій,
Ил' се у дубыни духъ умрлы буди?....

Овдена се легу орловиħи само,
Одъ куда ихъ после на небу гледамо.
Где са врелимъ зракомъ слабо крило снаже,
Ил' у низу гдено мрку крвцу траже.

Отленъ маторъ оро на грабежъ излеħе,
Те на мирне яньце оштре канџе меħе;
Ил' на бойномъ полю народа далецы'
Сладке хране бира у крвавой рецы.
Па докленъ се бриткій ятаганъ крвавый,
Орао се сури на боишту бави.

Само писка слабы орловиħа стои,
Нема ко ħе да ихъ врeломъ крвцомъ пои;
Веħъ одавна дома не врħе се старый,
Ил' не има хране, ил' за ньихъ не мари,
Ил' га іоште рана тишти усіяна? —

Орлићи му пиште већъ три бела дана!
По далекомъ свету старина тумара,
На боишту негде с' гаврани се кара . . . .
Ал' каква се ека са долина чуе,
Какавъ намъ се оку витезъ указуе?
Плахе кида мунѣ, громове разбія.
Изъ очію тамны живъ му огань сія
Одъ куда ли иде, са кои' ли страна,
Безъ панціра сяйна и безъ буздована,
Безъ опреме сваке за бой понесене,
У студену гору, у пустошне стене? . . .
Хай! нѣму е гора домовина мила,
Сво оружѣ — пуста, убоита крила,
Громови и мунѣ — познаницы стари,
А студено стенѣ — вечити другари! —
Крвави му клюни до мрки' очію,
Крвава се крила крозъ облаке вію.
То е витезъ славанъ, юнацы га знаю,
Али му се живи никадъ неподаю;
Бой га жестокъ често на свомъ челу гледа,
С' погибиіомъ вельомъ лети успореда!
Изъ долине ранѣнъ крозъ облаке рони.
Силена га любавь по вихору гони;
Цвили, пишти люто небескимъ хатаромъ,
До Бога просеца са юначкомъ паромъ;
— Недаде му рана доћи усіяна, —
— Орлићи му пиште већъ три бела дана!
Можда гладъ ихъ мори, можда люта жеђи,
Можда ћеду скоро свакомъ злу подлећи?

Целу скупля снагу, па у напредъ коси,
Широке га крило по вихору носи,
Маслинъ, садъ ће вихоръ попустити мало,
Толико се снаге на нѣг' захукало;
Ал' и вихоръ душу бегаюћу стеже,
Са юначкимъ дахомъ плаховито дува,
Дркће хладна стена, ломи грана сува —
А орао цвили, гора се разлеже!...

Спустило се крило, слабо, малаксано,
Распаде се срце, мукомъ разтрзано,
Ено паде веће!... о немоћи клете!...
Тако близу среће!... тако близу мете!...

Утиша се бура, вихоръ не вихори,
Само байна дуга у долини гори!
А на хладной стени ранѣнъ оро спава —
Широка му крила сломлѣна, крвава!

Где е она снага, што вихоромъ тресе,
Да у мрачну пропасть крвавъ пленъ унесе,
Убоито срце, што у сунце тежи?...
Све са моћни крили пребіено лежи!...

Поредъ нѣга рука крвлю помазана —
Чія і' ово рука, изъ кога ли стана?
Обилежя нема десница витежка,
Ни претена златна, ни синџира тешка;
Само еданъ белегъ силенога творца,
Што іошъ комадъ люта претискуе мача,
Тако яко, као у бой да корача,
По томе бы рек'о — да е Црногорца! —

ДИМИТРІА МІХАЙЛОВИЋА.

I.

БОЖЕ!

Докъ годъ живимъ неукрати,
Да ми люба с' цветомъ цвати!

Неукрати!
Руйно вінце,
Бѣло лице,
Лепе ноћи,
Силне моћи.

Неукрати!
Свакій данъ,
И пунъ дланъ
Сто новаца, —
Али выше,
Дваредъ выше
Полюбаца!!

II.

На гробу мога сына

ЂОРЂА,

Рођеногъ 3 Мая 1855. † Умрлогъ 19. Мая 1858.

Имао самъ тебе,
　　Имао самъ чедо,
Когъ самъ као себе
　　чувао и гледо.

Ништа ніе мени,
　　Могло слађе пасти,
Осимъ — мртва сѣни —
　　С' твои уста сласти.

Свагда беше сама
　　Душа ми у раю,
С' твоим' ручицама,
　　У твомъ загрляю.

Суза мене гуши.
　　За те душо мила,
Ѥръ у твоіой души
　　И моя е была.

Твое ахъ! невине
Земля гнѣчи кости,
С' тога драгій сыне
Неста ми радости.

Туговаћу за те!
Докъ ми срдце біе, —
Све ми неукрате, —
Гробъ ме непокріе!! —

III.

НЕМА БЕЗЪ?

Та нема живота,
    Безъ любави Бога.
Та нема радости,
    Безъ порода свога!
Та нема милине,
    Безъ душице благе. —
Та нема сладости
    Безъ полюбца драге!!

IV.

ЗАЛЮБЛЂНО ДЕВОЙЧЕ.

Уранила,
Па се потужила.

Зора зори мила!
Одъ истока вѣдра,
Ширећ' злaтна крила,
И горећа нѣдра.

Свету, дивном' свету,
Дають' обликъ лепый, —
И шареномъ' цвету
Росу, да га крепи.

Само бѣдной мени,
Црна е и густа,
За што мой искренный,
Нелюби ми уста.

Нема лице бѣло,
Пуне очи жари,
И витко му тѣло, —
Мени да озари,

Зора зори мила,
Одъ истока ведра,
Шнреħ' златна крила,
И гореħа нѣдра.

Мени вѣдра неħе
Хай довека быти,
Драгог' нема', — свеħе
Око сузе лійти —

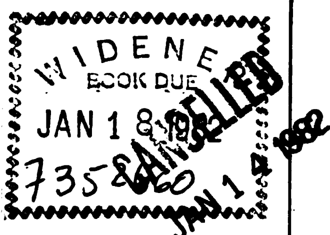
Око сузе лійти,
Венут'ħу у снаги,
Нит' ħу вѣдра быти, —
Док' недође драгій!! —

САДРЖАЙ

кньиге прве.

Страна.

Страна.

WIDENER
BOOK DUE
JAN 18 1982
735-8060
CANCELLED
JAN 14 1982